

Зинзивер № 1 (151) 2026

2026
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	5
--------------------------------	---

ПРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Евгений РАЗУМОВ. Две судьбы. Стихотворения	6
Константин КОМАРОВ. А граница тонкая такая. Стихотворения	13
Михаил КУЗЬМИН. Во всем виновата бессонница. Стихотворения	19
Евгений СТЕПАНОВ. Неужели невозможно чудо. Стихотворения	35

ДРАМАТУРГИЯ

Валерий ТЮПА. Шестидесятые (ностальгия в 12 картинках). Пьеса	38
---	----

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Письма Евгения ДОЛМАТОВСКОГО Нине КРАСНОВОЙ	58
---	----

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

Виктор ВОЛКОВ. Ведический дар. (Жизнь и творчество Владимира Алейникова)	67
Вячеслав ХАРЧЕНКО. Евгений Лесин: лирик под маской	70

КУЛЬТУРА

Алексей ЮРЬЕВ. На концертах трио пианистов <i>Bel suono</i> . Эссе	73
--	----

ПАРОДИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

Евгений СТЕПАНОВ. Пародии	75
---------------------------------	----

РЕЦЕНЗИИ

Святослав Михня, «У солнца на виду» (Ольга ЕФИМОВА)	
Алексей Юрьев, «После всего, или Двойной Сонет сонетов, с прологом и эпилогом» (Ольга ЕФИМОВА)	
Алексей Прохоров, «Монологи чувств и вещей» (Константин КОМАРОВ)	77

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Наступил Новый год.
Что он преподнесет?
Будем надеяться на лучшее.
Жду ваши произведения.

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт. Родился в 1955 году в Костромской области. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России и Союза писателей XXI века (с 2024 г.). Автор одиннадцати сборников стихотворений, а также публикаций в альманахах и журналах: «Литературная учеба», «Дети Ра», «Зинзивер», «Плавмост», «Истоки», «Волга», «Подъем», «Вторник», «Нижний Новгород», на сайтах: «Российский писатель», «День литературы», в интернет-журналах: «Парус», «Новая литература», «45-я параллель», «TEXTURA», в «Антологии живой литературы» и других изданиях. Работал актером драматических театров в Орске, Мичуринске, Костроме, литконсультантом-редактором регионального отделения Союза писателей России, корреспондентом, ответственным секретарем и главным редактором в периодических изданиях. Лауреат областных литературных премий — имени И. А. Дедкова (2015 г.), имени Ю. В. Бекишева (2023 г.), «Признание» (2025 г.). Живет в Костроме.

ДВЕ СУДЬБЫ

АРТЮР РЕМБО

Искательница вшей, найди себе клошара!
А мне теперь слоны милее во сто крат.
И, альбатрос, — лети вокруг земного шара!
Не вспомню о тебе, как десять лет назад.

Ведь бивень отпилить — не плевое ли дело?..
Но прежде пулей в глаз еще догнать слона
приходится. Болит от лихорадки тело.
Душа?.. Где Нотр-Дам оставлена она.

На поясе — мешок. В нем — золота до черта.
Через болото вплавь уже не перейдешь.
Гомункулус ли я?.. Молчит моя реторта,
что родила меня. На черта я похож.

Я проклят-вознесен. Я проклят-всеунижен.
Из Африки вернусь, я знаю, без ноги.
И для меня в раю не остается вишен.
Искательница вшей, дотопать помоги

до склепа, где покой и проклятому нужен!..
Но прежде — позови всех вшивых малышей.
И пусть они придут на поминальный ужин.
И пусть не гонит их трактирщица взашей!

* * *

Памяти Дарьи Дугиной

Она останется на фреске,
где подпись будет — *Ангел Света*.
Из Петербурга в Мариуполь
не ходит поезд, но она
доедет как-то через осень,
доедет как-то через лето —
с мечом серебряным без ножен
(поскольку — *Русская Весна*).

Ее не похоронят дети.
Ее не похоронят внуки.
Она их просто не успела
на этом свете обрести.
А впрочем, *ангел* — выше мира,
где марша свадебного звуки.
Труба зовет. Труба взывает.
(Отцу слышалось — «Прости».)

Напрасно демоны в тот вечер
всю в мире выпили горилку.
Она воскресла. Не на фреске —
на белом облаке. Живет.
С мечом серебряным без ножен.
(Ей даже дарят эсэмэски.)
А конь?.. От Жанны д'Арк, наверно.
Не постарел за лет пятьсот.

* * *

Ольге Коловой

Весь люминал не выпить, чтобы спать,
который в интернате есть на полке.
Иконка смотрит на твою кровать,
как на *святую* смотрят богомолки.

«Святая?..» — пообдернешь рукава
и пальчиком потрогаешь слезинку.
«Да просто я, — подумаешь, — жива.
Ну а страдать — мне это не в новинку».

По коридору ходят костыли.
Скрипит коляска за окном, гуляя.
Иных уж нет. На кладбище ушли.
Один хотя бы дохромал до рая?..

Молчит иконка. Вечером поет,
как мама — колыбельную когда-то.
...Во сне ты встанешь и протрешь киот
полоской бинтика или комочком ваты.

* * *

Алексею Зябликову

В картины ухожу, Алёшенька, — забыться.
(Такой вот прописал себе *феназепам*.)
Наивны там людей придурковатых лица.
Да с ними, может, я придурковат и сам.

Хорваты. Не пойму, Алёша, ни бельмеса.
Да, как у них язык подвешен, — не пойму.
Но по селу бродить нельзя без интереса.
Я тоже взял костыль. Я тоже взял суму.

Пооди теперь сыщи меня среди ватаги
хромых и выпивох, бездомных и немых!..
Мои теперь кусты, мои теперь овраги..
А знаешь, вкусен как подсолнечника жмых!..

Зато тоска ушла, мои напялив боты.
Зато о смерти я подумал только раз.
Хорватские зовут на свадьбу обормоты —
на девок положить свой неженатый глаз.

А что — и положу!.. И даже выпью браги.
(Хоть не велят врачи со скальпелем в руке.)
Алёшенька, куда теперь мне без ватаги?..
Хорватия (хлюп-хлюп) — в дырявом башмаке.

ХОРВАТСКИЙ НАИВ

Конь озирается на плуг, а плуг — на мужика.
Напрасно. В голове его торчит картины гвоздь.
«Повешу, — думает, — козу. На фоне василька.
Она ведь добрая — коза. Она не любит злость».

Ржавеет плуг. Ведут коня цыгане со двора.
А он козу дорисовал и даже василек.
«Теперь корову рисовать, наверное, пора», —
мужик ухватывает говорит. (На лавочку прилег.)

Мечтает: «Вот они — рога. А вот — и вымя. Ух!..
Подойник надо не забыть дорисовать в углу».
А из подушки в мужика куриный лезет пух.
(Бабенка не придет к нему, не принесет иглу.)

«Художник!..» — прыскает за ним на улице смешок.
«И точно — чокнутый!..» — лузга от семечек гундит.
А он вчера нарисовал им семечек мешок —
берите, дескать!.. «У меня замок всегда открыт».

«Продам козу — куплю баян. Себя изображу.
С невестой десяти пудов. С подушкой из льна».
Цыгане жернов унесли, что сторожил межу.
Коза бодает мужика: «Зачем тебе жена?!»

БЕЛЫЙ БАНТ

«Увези меня отсюда!..» — почему-то ты сказала.
Почему-то я подумал: «А куда я увезу?..»
Я стоял, почти что дембель, возле желтого вокзала
и затапывал окурок, и донашивал кирзу.

Это было где-то возле Таганрога, очевидно.
(Не Азовское ли море там лежало за спиной?..)
Две судьбы стояли рядом. И амур смотрел ехидно,
понимая, что не станут две судьбы судьбой одной.

Так зачем тогда летал он над заштатным гарнизоном,
девам головы мороча и другие части тел?..
Я не знаю. Просто воздух пах, наверное, озоном.
Просто сказки от озона дембель, видимо, хотел.

Не лампасов генеральских, не полковничьей папахи,
а, конечно, поцелуя и, конечно, при луне.
Мы отбросили с тобою человеческие страхи
и на маминой заснули, получилось, простыне.

Не будите, мама, только точно прапорщик какой-то!
Не ругайтесь тем же матом, что и старший лейтенант!..
Мы застелем покрывалом потревоженную койку.
И фуражку мы наденем. И завяжем белый бант.

«Увези меня отсюда!..» — почему-то ты сказала.
Почему-то я подумал: «А куда я увезу?..»
..Сколько раз я просыпался возле желтого вокзала,
белым бантом утирая деве первую слезу!..

* * *

Как описать из двери вышедшую калошу?..
Пруд?.. На пруду мальчонку?.. Возле мальчонки лунку?..
Пику?.. Охотник в чунях думает: «Завтра брошу
эту охоту к черту!..» Судя же по рисунку,

бросить не даст поджарый пес. Кабана почуяв
даже во сне, залает — хоть выноси из дома
лик пресвятой Урсулы. «Видели оболдуев!..» —
скажет сосед вдогонку. Как описать солому

под кабаном домашним (дрыгать устали ножки)?..
Варево и свинина — рифма под статью Шекспиру.
Хворост несет старуха мимо бездомной кошки.
(Странно — еще не съели?..) Музыка по клавиру

водит горбатым пальцем в кирхе, где допотопны
трубы органа. Как их — медные — ты бумаге
передоверишь?.. Жнеям снятся пшеницы копны,
а гончарам — наверно, глина в сыром овраге.

Лис на плече уходит под гору. Дело к ночи.
Мальчик, тяни из лунки медный крючок!.. Калоша,
снег отряхни, разуйся... Не опишу я, Отче,
мир, где меня застала брейгелева пороша.

* * *

Она не тоскует по отчему краю,
поскольку Австралия — это планета
(Коперник, молчи!) совершенно другая,
стоит на которой квадратное лето

(тьфу — круглое), где океан за окошком —
до самого Чили, где острова Пасхи
бинокль не увидит, где жарко матрешкам,
наверное, было бы, где папуаски

плывут на пирогах к атоллу Бикини,
забыв о бикини, где аборигены
рукою ласкают их черные дыни
(во сне) и не видят особой измены

Австралии родной, была бы пирога —
уплыли бы к черту, к Зеландии Новой,
откуда им машет нога осьминога
в руке Робинзона, народец бедовый

на белую женщину пялится тоже,
а та, не тоскуя по отчему краю,
нет-нет и попятится с возгласом «Боже!»,
зачем англичанкины роли играю

я, дескать, Рязанской губернии дочка,
которой здесь так не хватает укропа
и песни, где есть омулевая бочка,
и трусиков детских, где пряталась попа.

НА МОТИВ САШИ СОКОЛОВА

Я — тоже точильщик ножа и лопаты.
А впрочем, лопата сама
заточится глиной, когда сыровата
и пахнет навозом весьма.

А все остальное, Илья Петрикеич,
заточим под ёк-макарёк!..
Не правда ли?.. Я — на гармонике неуч,
а здесь — еще тот паренек!..

«Однако пора самогонке родиться», —
Петра говорит аппарат.
Недаром в сарае кудахтала птица —
к стакану она вокурат.

«Мазурики», — скажут. Ответим: «Отчасти».
Первач-то нельзя натошак.
Зато мы дровишек наколем для Насти,
что замуж не выйдет никак.

Зато мы поможем и прочему люду
железную рухлядь чинить.
Илья Петрикеич, айда на запруду —
забросить с крючочками нить!..

Накормишь ли всех доходягою-птицей?..
Илья Петрикеич, айда!..
Господь нас укроет своей рукавицей
от здешнего, ёксель, суда.

И каждого к каждой бобылке пристроит.
И даст умереть на печи.
Не весь еще в нас человечешко пропит.
Огарочек есть от свечи.

Поэт, литературный критик, литературовед. Родился в 1988 году в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Как поэт и литературный критик публиковался в литературных журналах «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Зинзивер» и др. Постоянный участник Форума молодых писателей «Липки» (2010–2024). Автор нескольких книг стихов («Почерк голоса», «Только слово», «Невеселая личность», «Соглядатай словаря», «Фамилия содержания», «Безветрие», «От времени вдогонку») и сборников литературно-критических статей «Быть при тексте», «Магия реализма». Победитель «Филатов-феста» (2020). Лауреат литературных премий «Восхождение» (2021), «Гипертекст» (2025), премии им. А. Казинцева «Я верю в человека» (2025), премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы». Финалист литературных премий «Дебют» (2013, 2014), «Лицей» (2018, 2021), «Новый звук», «Белла», Премии им. Бажова и др. Живет в Липецке.

А ГРАНИЦА ТОНКАЯ ТАКАЯ

* * *

Падение падает с веток
в сплошное зиянье зимы.
И муторным утренним светом
промыты все пазухи тьмы.

Учась у холодной природы,
спеша, словно граф за сохой,
слова неизвестной породы
язык обживают сухой.

Так, речь обреченно посеяв
в отречья настроенном рту,
обманчивый саспенс спасенья
в минуту вместил немоту.

Измазавшись в призрачном креме,
во взбитом подушечном сне,
хрустит одинокое время...

И память промята, как снег.

* * *

Поэзия, наверно,
оптический сквозняк.
Не автора, но ветра
венозная возня.

Бесперебойный шифр
шизофреничных крыш
и серых листьев шифер,
в котором ты горишь.

С души уже не жалко
снимать за слоем слой.
И облако, как балка,
повисло над землей.

* * *

Окно дрожит ушком игольным,
и капли застревают в лейке,
ворочается кашель в горле,
как будто в кошельке — копейки.

Подобно выбитой пехоте,
в сугробах снег лежит сугубо,
и ягоды в гробах доходят,
чтоб бледные украсить губы.

И нехорошие приметы
разносятся по колокольням,
и растворяются предметы
в размякшем шоколаде школьном.

А мысли, как гнилые доски,
проваливаются до сердца,
тем самым открывая доступ
к иному, смертному, соседству.

И в варежки ныряют руки,
когда, на ощупь не изучен,
февраль шныряет по округе —
навязчивый и невезучий.

* * *

Ни пуля и ни лира ведь —
крученный угловой,
не мной манипулирует
безумный кукловод.

Не мною искалечены
стада пугливых букв,
рядами бесконечными
идущие из бухт

пустой кипящей полости,
портовой, ротовой,
еще не ставши полностью
ни небом, ни травой —

способные, наверное,
в агонии земной
творить свое творение —
не мной, не мной, не мной.

* * *

Сердца обессиленного полость —
дротикам унынья лучший дартс.
Волость духа обложила подлость,
там, где плакал Фирс, пирует фарс.

А граница тонкая такая,
не запнувшись, перейдешь порог:
вот живешь, порокам потакая,
вот тебя уже живет порок.

Имя не бывает безымянно,
но не забывай в слепой возне,
что изъятие скользкого изъяна
не дано произвести извне.

В домне не сгорев, застынешь в коме
под пустотных уст немой галдеж.
Ибо никого не будет в доме,
если сам его не возведешь.

* * *

Язык, я зек твоей
роскошнейшей тюрьмы.
Мне неуютно в ней,
когда глаза немые,

когда слова пусты,
как сочиненный снег,
и я — сквозь все посты —
решаюсь на побег.

И будет в темноту
смотреть глухой конвой,
и вновь за немоту
осудят никого.

А я — рецидивист —
не приживусь окрест,
и предречет мне лист
очередной арест.

И будет приговор
нагляден, как плакат,
и проиграет спор
с судьей адвокат.

А я ввинчусь, как крот,
в потрескавшийся стол
и снова вставлю в рот
свой карандашный ствол.

* * *

Ход шахматиста патов.
И шепот по рядам.
Настало время падать —
пространство поедать.

Тенетной Леты липов
простор, реальна — клеть,
у трупов нету трипов,
сегодня в моде — медь.

Резоны как ни ткали,
в ризоме гаснет клен,
проклеен стык прогалин,
и воздух прокален.

И не найти мерило
вот этому всему,
чтоб с зеркалом мирило
людей по одному.

Мерцают в древнем твите
слова одни и те ж:
на имя замените
мне мнительный падеж!

В земельный лег кадастр
последний нетопырь.
Ложись и ты. И раструб
сугроба оттопырь.

И пой простывшим горлом,
весь трепет истрепи,
шипип остывшим горном
в заоблачной степи —

про ноль и единицы,
про то, как трется три.

И выйди из больницы.
И справку забери.

* * *

Не верь, не бойся, не проси —
пребудь в своей уставшей сказке,
где расплылись, как караси,
страданья радужные краски.

Лети, как каменный журавль,
в горячую печали лопасть,
листай затрепанный журнал,
крути свой треугольный глобус.

Простив все кислому жулью,
сиди — грызи молчанья сушки,
снимая нежно чешую
с прозрачной, словно свет, чекушки.

Сон так глубок, мир так жесток,
но, подтолкнув себя к решению,
свое глухое торжество
спокойно празднуй, как крещение.

На перекрестке трех морей —
Тоски, Утраты, Отчужденья —
легко и просто умереть...

Живи и помни.
С днем рожденья.

* * *

Сморщенные строенья,
трупные лестниц трапы.
Мира людей старенье,
радости и утраты.

Солнца пустая лодка
в небо всплывает резко.
Как апельсина долька,
корчится занавеска.

Бешеные монады
воздух глухой корчуют.
Трещины, как номады,
вдоль по стене кочуют.

Больше не верит чуду
сам одинокий Боже.
Я не зажег свечу — да —
ибо мы с ночью схожи.

Тихо ее волокна
я расплетаю в слово.
И проступает в окна
небытия основа.

Поэт, журналист, художественный критик. Автор книг «Дом, отапливаемый утопиями», «Дневные листья — ночные корни», «О. поэтах. и. о. поэзии», «Летопись молчания», «Я жалею о своем воображении» (Mi lamento della mia immaginazione — билингва), «Расстояние между галактиками» (Galaksien valisesta etaisydesta — билингва), «Музей разогнанных облаков», «Вещи и сущности Дмитрия Москина». Живет в Санкт-Петербурге.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТА БЕССОННИЦА

ИЗ БОЛЬШОЙ «КНИГИ ОТЗЫВОВ»

...Есть соответствие идеалу...
...Слишком много реализма...
...Еще больше правды...
...Откровенность просто зашкаливает...
...Явный перебор со справедливостью...
...Скучная игра в благородство...
...Хитрость отсутствует напрочь...
...Ее заменяет наглая ложь,
которая не лезет ни в какие рамки...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Неужели и завтрашний день
сулит нам только будущее?
А вдруг
именно завтра
выпадет прошлогодний снег,
и мы отпразднуем встречу
со старым знакомым?

ТАКОЙ ВОТ ХАРАКТЕР

В первых числах
каждого месяца
ему, и правда,
хотелось быть
первым
среди
первых:
1 января, 1 февраля,
1 марта, 1 апреля...
.....
и 1 декабря — тоже.

* * *

Искре Шварц

Биографии не нужны.
Теперь требуются
копии
прожитой жизни.
Но если моя жизнь
прошла мимо вечности,
то кому нужны
ее бледные копии?
Неужели только
будущим историкам?
Нет, нет, копии
историкам не нужны.
Им подавай оригиналы,
заверенные печатями.
А такие вещи есть
только у небольшой кучки людей.
Мы их почему-то называем
бессмертными...

ЧУТЬ-ЧУТЬ О САМОМ ВАЖНОМ

Я любо-дорого
любопытельна
Ты перво-наперво
симпатичен
Мы нежданно-негаданно
счастливы
Они давным-давно
нам завидуют

СОН НЕБА

Это когда оно
абсолютно
серое

САМОЛЕЧЕНИЕ

Выгоняю на прогулку
подлежащее,
сказуемое,
два наречия,
три дополнения,
четыре прилагательных,
а сам лежу дома
с высокой температурой
и радуюсь,
что моя веселая фразочка
гуляет сейчас на морозе
и не замерзает.

* * *

За какие преступления
птиц сажают в клетки?
За перелет улицы в неположенном месте?
За бесплатный пролет в трамвае?
За просроченные платежи по коммунальным услугам?
За пение в ресторанах соловьиными голосами?
За отказ лететь на зиму в теплые страны?

ИЗ ЦИКЛА «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»

Вчера
было еще
совсем недавно

ОДНО ОБЩЕЕ ДЕЛО

Из цикла «Мы, Михайлы»

Мы, Михайлы,
захотели опубликовать свои стихи
в антологии
под тем же названием
«Мы, Михайлы».
И опубликовали на радость
своих муз, жен и подруг.
Конечно, не все
«Мы, Михайлы»
туда попали.
Какие-то из них,
из Михайлов,
остались за пределами
этого тысячестраничного
бумажного издания.
Но они, Михайлы,
не обиделись,
они продолжили
сочинять свои стихи,
ничем не отличающиеся от тех,
которые попали в антологию
«Мы, Михайлы».

* * *

Горы юмора...
Вот уж этого
точно
никогда не было
и не будет

ВО ВСЕМ ВИНОВАТА БЕССОННИЦА

Самого себя
я бы вызвал на дуэль.
Мне давно
хочется разобраться,
кто же все-таки сильнее —
я или Alter Ego?
Надо только определиться с веком,
когда подобные действия
были безопасными.
Может, XVI век подойдет?
Очень уж хочется
красиво заколоть себя шпагой,
а потом воскреснуть,
но уже в другом столетии,
когда люди
все еще продолжают
убивать себя,
но уже гораздо
более опасными штучками.

ТОНКОЕ РАЗЛИЧИЕ

Когда мыслишь,
то за мышлением
трудно спрятаться.
А когда думаешь,
то за думами
можно и передохнуть.

* * *

До конца жизни
оставалось
два тире
и одно многоточие

ЗАЯВКА НА СОЗДАНИЕ СЦЕНАРИЯ МНОГОСЕРИЙНОГО ФИЛЬМА

Интересно
а как живут простые люди?
не звезды
не гении
не герои

Например
Фрэнк Карамзин
Тимофей Дарвин
Джон Пушкин
Виктор Голсуорси

И конечно
Жорж Достоевски
без и краткого
в конце фамилии

Чуть не забыл
Марселину Тургенефф
она наверное
стала блогером

У нее
я уверен
тысячи подписчиков

Надо поискать
ее аккаунт
в соцсетях
и попытаться
с ней зафрендиться

* * *

Неожиданный крик среди бела дня
в семье одного известного поэта
Да не стирай ты пыль
с моего стихотворения!

НОВАЯ ЖИЗНЬ КАРЛА БРЮЛЛОВА

Из цикла «Мы, Михаилы»

Мы, Михаилы,
решили сделать ремейк
знаменитой картины Карла Брюллова
«Последний день Помпеи».
И сделали бы,
не сомневайтесь,
но так как мы, Михаилы,
абсолютные оптимисты,
то вместо «Последнего дня Помпеи»,
мы создали высокохудожественное полотно
«Пред-пред-пред-предпоследний день Помпеи».
Оно получилось в десять раз больше
брюлловского оригинала.
И теперь мы, Михаилы,
ищем подходящий музей,
чтобы эту новую картину
выставить на всеобщее обозрение.

НЕХОЧУ

эти два слова
я всегда пишу
слитно!

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Константину А. Богданову

Чернила, слезы, февраль...
Получается, что
третий зимний месяц
уже давно
криминализован.
А чернила и слезы — еще раньше.

САМОТЕСТИРОВАНИЕ

Что в моем интеллекте
самое искусственное?
Наверное, шарики,
которые частенько
заходят
за ролики...

* * *

Ни разу в жизни
не видел
ни одной литоты.
А гиперболы сами
лезли мне в глаза.
Стоп.
Одну литоту
я все-таки хорошо
разглядел.
Это Дюймовочка.

ПАСЬЯНС ИЗ ЦИТАТ

Раскрываю книгу П.
и читаю на 101-ой странице:
*«Мы по своей природе
больше удивляемся вещам,
которые находятся выше нас,
чем тем,
которые находятся
на той же высоте или ниже».*
Такой же «фокус»
я проделываю с книгой Ф.
На странице 81
мой глаз выхватывает
вот такую строчку:
«Яблоко и чай... глубина в мелочах».
Не знаю,
что имел в виду писатель О.,
мысль которого
я обнаружил в его книге
на странице 66:

*«Где кончается истина,
там возникают правила игры».*
И зачем некто К.
пытается запутать меня
глупым парадоксом,
явленным мне на странице 49:
«Кто я, если я – это не я?»

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Встретились однажды
Молодость Свободы и
Свобода Молодости...

Что было дальше?

Не знаю.
От меня вчера
ушла муза.
Она бы мне
подказала,
что было
или что будет —
дальше...
И чего — никогда
не будет.

В ЕДИНОМ ПОРЫВЕ

Я не рисую,
но я художник.
Я — не пою,
но я — оперная дива.
Я не рассказываю сказок,
но я волшебник.
Я ничего не изобретаю,
но я творец,
каких свет не видывал.
Я не гуляю по улицам
родного города,
но я работаю
общественным транспортом,
и мне уже пора выезжать
из трамвайного депо.

ЛУЧШЕ ВСЕ-ТАКИ

Великолепен
умопомрачительный сон,
слеplенный
из секунд и минут.
Но лучше все-таки сон,
составленный
из разноцветных фигурок лего.
Правда такой
мне еще ни разу
не снился.

ВЕСЕННЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не спешите открывать
заплаканные окна.
Пусть сначала
на стеклах
высохнут
все слезы...

ЧТО Я ЗНАЮ О СВОЕМ БУДУЩЕМ

Оно уже не мое.
В зеркале я его не увижу.
Воспоминаний о нем
даже самых скупых —
не напишу.
Никогда не буду отмечать
день его рождения.
И вишенку
на торт будущего
я не водружу,
даже если
очень сильно
захочу.

* * *

Ночью
пока он спал,
кто-то украл
его место под солнцем.

ИЗ ЦИКЛА «УСЛОЖНЕНИЕ САМЫХ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ»

Я.
Я не...
Я не умер.
Я чуть не умер из страха перед неизвестностью.
И хотя я чуть не умер
из страха перед неизвестностью,
этого никто не заметил.
Следовательно, я делаю вывод,
что страх перед неизвестностью —
это не такая уж и страшная вещь.
Есть вещи и пострашнее.
Например, смерть
от удушья
в два часа ночи.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПОСТУЛАТ

Если бы вся наша речь
состояла
только из палиндромов,
то нам было бы легко
заглядывать в прошлое.
В прошлое
всех наших монологов
и диалогов.

COGITO ERGO SUM

Мышление на сквозняке
мало чем отличается
от мышления в запертой комнате.
Но когда я мыслю на сквозняке,
то меня не существует.
Меня просто сдувает ветром.
А куда сдувает —
Бог его знает...

ИЗ ЦИКЛА «ДОМАШНЯЯ МЕТАФИЗИКА»

СОГЛАСИЕ — очень спокойное и респектабельное существо.
Этакий ленивец со стажем.
Стоит только согласию,
извините за каламбур,
согласиться,
как его сразу же начинают приглашать
на консервативные вечеринки
конформистские конференции
и приспособленческие форумы.
Но согласие не торопится их посетить,
Оно выжидает...
Ждет, когда его
пригласят дважды...
А то и трижды...

ИЗ ЦИКЛА «ДОМАШНЯЯ МЕТАФИЗИКА»

НЕСОГЛАСИЕ — это зверек.
Он бегает по комнате
и по вселенной,
как ему вздумается,
сбивая на своем пути
легкие вещи
и хрупкие предметы.
Его трудно поймать.
Трудно схватить за ногу
или за уши.
Но очень легко прихлопнуть.
И мухобойка для этого
отлично подходит.

ДОМОВЛАДЕЛЕЦ

В моем доме сто комнат...
В одной комнате я сплю.
В другой — решаю уравнения
с несколькими неизвестными,
а в третьей — просто улыбаюсь.

Есть комната,
в которой я читаю Кафку,
и еще одна комната,
в которой я пытаюсь забыть,
что читал Кафку.

В комнате,
где я кормлю птиц
и иногда ем сам,
есть газовая плита,
набор столовых ножей
и маленькая мясорубка...

Я стараюсь не бывать
в комнате,
где ссорятся мои игрушки
и плачут
мои непрочитанные книги.

Однажды я чуть не зашел
в комнату,
где происходит
вселенская
переоценка ценностей...

Как хорошо,
что неожиданно
приехали гости,
и мы долго сидели
в комнате,
где можно только
задавать вопросы
и нельзя на них отвечать...

Я никогда не был
в последней комнате,
которая значится
под номером сто,
но я знаю,
что меня там ждут
с нетерпением.

СРЕДСТВО ОТ СУЕТЫ СУЕТ

Время начинает
течь медленнее,
когда я дважды,
а то и трижды,
вхожу
в одну и ту же реку.

НАЧАЛО РОМАНА

Своей девушке
он назначил свидание
в зоопарке.
Она пришла без опозданий.
Он почему-то сидел
в клетке
и кормил хищников
мясом
прямо из рук...

* * *

Каталог женских ног
1200 подробных описаний
и ни одной фотографии.

* * *

Иголка
из соломинки,
найденной в стоге сена...
Можно ли наладить
их массовое производство?

МУРАВЕЙНИК РАЗЛУКИ

Дмитрию Москину

Я люблю ходить в лес
за метафорами.
Однажды под сосной
я обнаружил «шишку радости»
и не одну, а целых семь.
Под осиной
мне посчастливилось услышать
«шорох страха».
Точнее говоря,
столкнуться с ним лбами.
Мой лоб оказался крепче.
Под березой меня ждал,
думаете, что какой-нибудь
необычный гриб?
Нет, под березой
меня встретила метафора
«луч надежды»,
уже порядком поистрепавшаяся
на крутых поворотах
лесной жизни.
Я даже не стал
вступать с ней в разговор
и притворился,
что собираю ягоды.
Больше всего метафор
проживало в муравейнике.
Но я их не запомнил,
кроме одной —
«муравейник разлуки».
Жаль, что я не вставил
два этих слова
ни в одно из своих стихотворений.

Разве что только в это,
которое сейчас пишу.
Но ведь оно
больше похоже
на прозаический рассказ,
чем на тщательно
зарифованное творение
какого-нибудь поэтического гения.

НОРМЫ И НОРМАТИВЫ

Вас не удивляет то,
что за один день
выпала месячная норма снега?
Почему же вы удивились,
узнав о том,
что я съел за один час
месячную норму
красной игры
небольшого городка
населением в десять тысяч человек?

* * *

не только
ночь нежна,
но и тень — тоже.

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ

А судьи — кто?
А судьи — что делать?
А судьи — кто виноват?
А судьи — кто читал Кафку?
А судьи — не судите
и не судимы будете?
А судьи? Встать! Суд идет!

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

НЕУЖЕЛИ НЕВОЗМОЖНО ЧУДО

БЕЛКА В КОЛЕСЕ

«Просто жил на свете, мучился, как все».

Глеб Горбовский

Жизнь моя грешна и монотонна.
Жизнь моя нелепа и глупа.
Я смешной придаток телефона,
Банка, телевизора, компа.

Каждый божий день — одно и то же.
Я кручусь и мучаюсь, как все.
Белка в колесе... Ну да — похоже.
Белка заводная в колесе.

2025

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА И ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА

Молодая женщина поманит —
И пойдешь за нею напролом.
А потом она тебя помянет
За печальным траурным столом.

2025

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

Старики... Мы становимся жалкими,
Не уйдя в должный час на покой.
Эта девушка пахнет фиалками.
Этот дедушка пахнет тоской.

Много прыти и страсти у девушки.
А вот дедушка сиднем сидит
И мечтает, как многие дедушки,
Поскорее отправиться в скит.

Это жизнь. Это жесть. Так уж водится:
Где прилив — неизбежен отлив.
Эта девушка — шумная модница.
Этот дедушка тих, молчалив.

2025

ЭТАПЫ

.....

зарождение
и рождение

удивление
и взросление

и сражение
и унижение

вдохновение
преодоление

поклонение
даме — смирение

и старение
и погребение

воскрешение?

.....

2025

СНАЧАЛА

Этот міг далек от идеала.
Как-то все невесело и худо.
Я хочу залезть под одеяло
И уже не вылезать оттуда.
...Буду спать и жить начну сначала.
Неужели невозможно чудо?

2025

БЕЗЗВУЧНЫЙ КРИК

Спорить с этим глупо, бесполезно:
Человека поглощает бездна.
И душа кричит беззвучно: «SOS!»
И надеется: спасет Христос.

2025

ПОКУДА

Покуда голодухи нет
И аппетит звериный,
Покуда ходишь в туалет,
Рот не забили глиной,
Покуда жизнь течет размеренно,
Поверь — не все еще потеряно.

2026

Советский и российский литературовед, доктор филологических наук (1990), профессор РГГУ, драматург. Родился в 1945 в селе Клещинцы, Полтавская область, УССР. Автор многочисленных публикаций и книг. Живет в Москве.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

(ностальгия в 12 картинках)

Действующие лица:

ВСЕВОЛОД
СОБЕСЕДНИК
ГЕНА
ТАНЯ
ГЕРА
АНТОН
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ
ОФИЦИАНТКА
АЛКАШ
СТАРИК
СТУДЕНТЫ
ЛЮДИ В ШТАТСКОМ

Картинка первая. В кафе.

Недорогое кафе, скорее столовая, но с официанткой. Сева один за столиком. Перед ним стакан чая и булочка. Он что-то сосредоточенно пишет. Негромко звучит голос Окуджавы: «Когда мне невмочь пересилить беду...» После первого куплета появляется Собеседник, подходит к столу, песня смолкает.

СОБЕСЕДНИК: Извините, я Вам не помешаю? Другие столики заняты.

СЕВА: Конечно, присаживайтесь.

ДРАМАТУРГИЯ

Пауза. Подходит Официантка.

ОФИЦИАНТКА: Заказываем!

СОБЕСЕДНИК: Мне, пожалуйста, то же, что и у молодого человека.

ОФИЦИАНТКА: Дома, что ли, чай кончился?

СОБЕСЕДНИК: Дома поговорить не с кем.

ОФИЦИАНТКА: С этим тоже не наговоришься.

Пауза. Официантка приносит чай новому посетителю. Сева спохватывается и энергично принимается за булочку, запивая чаем.

СОБЕСЕДНИК: Вы, кажется, увлеклись? Прямо, как Хемингуэй в кафе на rue Descartes, где она перетекает в rue Mouffetard. Прекрасное местечко! В античности здесь лежала дорога из Лютеции на Фонтенбло.

СЕВА: А Вы бывали в Париже? В хемингуэевском Париже? Это мой любимый писатель.

СОБЕСЕДНИК: Конечно, бывал. Где я только не бывал? И на Колыме тоже.

СЕВА: И что Вы там делали?

СОБЕСЕДНИК: Сидел. Впрочем, сидеть обычно не давали. Враг народа, ЗэКа семнадцать девяносто два. До Колымы семнадцать было моим любимым числом.

СЕВА: За что же Вас?

СОБЕСЕДНИК: А я был немецким шпионом и диверсантом.

СЕВА: Вы шутите?

СОБЕСЕДНИК: Судите сами. Революция застала меня в окопах. Командиром роты. С солдатами были отношения самые добрые. Они меня в солдатский комитет выбрали, говорили, что я грамотный, а они нет, лучше них разберусь, что солдатам сподручнее. Генерал потом за это чуть меня не убил. На прощанье рота серебряный портсигар мне подарила с трогательной надписью. После звали к себе и красные, и белые. А я с женой и сыном в наше село подался, где когда-то дедовское поместье было. Сестра старшая там жила. Крестьяне ее вскорости убили. Но ко мне относились хорошо. Я работал там учителем, преподавал чуть ли не все на свете. Назначили завучем. В 38-м, когда уже многих пересажали, дошла очередь и до меня. Посадили на телегу и повезли в райцентр. Прихватили вещдоки: портсигар этот, свадебные фотографии, тетрадку с немецкими словами. Я для школьников рукописные словарики делал. Учебников-то по селам не хватало. Словарик тот оказался самым веским доказательством. Да я и не отпирался. Один раз лицо разбили, и мне хватило: подписал добровольное признание. Самое интересное. Привезли меня тогда в райНКВД, оставили в коридоре, а дверь в кабинет начальника

не плотно прикрылась. И вот я слышу оттуда мат-перемат. По телефону, скорее всего: «Да где же я ему еще сорок врагов народа по району сыщу?! Рожать я их стану, что ли?!»

СЕВА: Вас реабилитировали?

СОБЕСЕДНИК: Вчистую.

СЕВА: Вернулись к семье?

СОБЕСЕДНИК: Не нашел уже их. Говорят, эвакуировались. Но куда? Никто не знает. Легко могли погибнуть по дороге. В селе немцы долго стояли. Мой доноситель, он на всех в селе доносил, был у немцев переводчиком и старостой, ушел потом с ними. Так что никого не осталось у меня, ни своих, ни чужих.

СЕВА: А на Колыме как?

СОБЕСЕДНИК: А на Колыме, мой дорогой, так, что говорить об этом я не хочу. Вы лучше мне сами что-нибудь расскажите. Вы здесь случайно или часто бываете?

СЕВА: Не то чтобы часто, но и нередко. В общаге шумно, не дадут сосредоточиться. Я здесь пишу. Вы угадали, почти как Хемингуэй.

СОБЕСЕДНИК: Почему почти?

СЕВА: У Хемингуэя был большой талант и много жизненного опыта. У меня опыта нет, а таланта — пока не знаю.

СОБЕСЕДНИК: Дороговато, наверное? Так-то за столиком творить? Если всегда только чай брать, официантка может ведь и выгнать.

СЕВА: Да нет, она не злая в общем-то. И деньги у меня порой бывают. Я на Мосфильме в массовке снимаюсь иногда. Неплохой заработок: три рубля каждый съемочный день! А когда Бондарчук «Войну и мир» снимал, так и по четыре пятьдесят платили. Конечно, это не часто, я не все занятия прогуливаю, так, иногда. Кстати, извините, мне на лекцию пора бежать. Эту пропускать не хочу.

СОБЕСЕДНИК: А что за лекция?

СЕВА: Да о западной литературе, но не в ней дело. Профессор много об отце Тейяре говорит. Это который «Феномен человека» написал.

Затемнение.

Картинка вторая. В комнате общежития.

Тесно сдвинутые кровати: две слева, две справа. На одной из них спит Антон. Сева и Гена собираются в университет.

ГЕНА: Антон, просыпайся!

АНТОН: Уйди.

ГЕНА: Антон, немедленный подъем!

АНТОН: Уйди.

ГЕНА: Антон, делаю тебе последнее предупреждение.

СЕВА: Да отстань ты от него.

ГЕНА: Что значит, отстань? Тебе плевать, что с ним будет дальше?

СЕВА: А что с ним не так?

ГЕНА: Ты вот проснулся ни свет не заря и торопишься в университет. Зачем?

СЕВА: Мне интересно. А ему, может быть, нет.

ГЕНА: Ты торопишься получать образование. А он проспит день, проспит два, проспит три и просто лишится возможности стать человеком. И станет алкоголиком. Ты этого хочешь?

СЕВА: По-моему, он уже человек. И полностью за себя отвечает.

ГЕНА: А тебя это, значит, не касается?

СЕВА: Почему это должно меня касаться? У каждого своя траектория жизни.

ГЕНА: Этим ты прикрываешь свое равнодушие к окружающим тебя людям.

СЕВА: А ты им навязываешь свое равнодушие. Добро должно быть с кулаками? Так? Что тебе хорошо, то и другим? С чего ты это взял?

ГЕНА: Если это правильно, значит хорошо всем. А учиться в университете — это правильно. Чего здесь доказывать?

СЕВА: Кто тебе сказал, что твое «правильно» правильное? Человек должен выбирать свое для себя свободно. Самоопределение называется.

АНТОН: Старики, будьте людьми, уйдите! Я спать хочу. Разберитесь с моей траекторией сами, а я пока досплю.

Затемнение.

Картинка третья. В кафе.

Обстановка первой сцены. Сева пишет. Рядом на столе лежит книга. Подходит Собеседник.

СОБЕСЕДНИК: Добрый день! Опять массовка удалась? А тут вот я некстати появляюсь отвлекать Вас? Извините! Я на минутку только заглянул.

СЕВА: Всегда пожалуйста. С Вами интересно.

СОБЕСЕДНИК: Накапливаете недостающий жизненный опыт?

СЕВА: Да нет, просто интересно. В учебниках такого не прочитаешь.

СОБЕСЕДНИК: Однако у Вас, мне кажется, не учебник под рукой. И три рубля вместо закладки! Съемочный день?

СЕВА: Это пьесы Сартра. Он меня просто потряс.

СОБЕСЕДНИК: Осмелюсь ли спросить, а что пишете обычно Вы?

СЕВА: Да разное. То стихи, то прозу. Пробовал роман написать о Ван Гогe. По его письмам к брату. Замечательное издание писем случайно попало. Но, откровенно говоря, ничего не получилось.

СОБЕСЕДНИК: А сейчас?

СЕВА: Да вот хочется пьесу написать. Про Иисуса Христа.

СОБЕСЕДНИК: Неожиданно! Вы столь религиозны?

СЕВА: Я совершенно не религиозен.

СОБЕСЕДНИК: Ну, да, комсомол ведь этого не позволяет.

СЕВА: Комсомол тут ни при чем. Вообще я стараюсь обо всем иметь свое собственное мнение. И я вполне верю в Христа, только без мистики. Был такой человек в свое историческое время, глупо это отрицать. Просто хороший, мудрый человек.

СОБЕСЕДНИК: Манихейская ересь.

СЕВА: Понимаете, богом его сделали ученики. Апостолы. И они же и отреклись от него, предали. Потом уже устыдились, стали рассказывать о чудесах, да и сами поверили.

СОБЕСЕДНИК: Значит, Бога сотворил человек? А не Бог — человека?

СЕВА: Именно! Бог, создающий человека, — это же миф. Богов создают люди, когда приходят к согласию.

СОБЕСЕДНИК: А что, в Творца, который создает человека, ну, никак невозможно поверить?

СЕВА: Мой папа говорит: что-то там такое все-таки есть, не может не быть. А я не могу этого принять. Не хочу соглашаться! Понимаете, столько людей надо мной стоят, наставляют, надзирают, наказывают. Но внутрь меня никому из них не проникнуть. А там — целый мир. Мой мир. Разбив лицо, можно вынудить подписать, что угодно. Любое вранье. Но вынудить быть искренним — никому не под силу. Только сам я могу раскрыться. Если захочу. Это только и дает силу жить. Внутренняя изоляция. Я живу в моем собственном мире, хорош он или плох, уж какой есть. Здесь все окружающее меня — как мебель в собственной квартире: куда захочу, туда и поставлю. Я из них, из других, из блуждающих вокруг меня людей, свой мир выстраиваю.

СОБЕСЕДНИК: Я, например, — мебель в твоём мире?

СЕВА: Извините, но Вы — тоже. Здесь главное — не заиграться, не забывать, что у каждого — такой же свой мир, как и у меня, только другой. Я тоже — только мебель в Вашем мире, во всех окружающих меня мирах.

СОБЕСЕДНИК: У Сартра научились?

СЕВА: Может быть. Но какая разница? Если это так. Если это истина. Послушайте хокку, правда, количество слогов не по канону:

Со мною умрут мои липы,
Мои щуплые птицы в ноябрьском тумане,
Со мною умрете и вы, ничего не заметив при этом.

СОБЕСЕДНИК: А помнишь, у твоего любимого Хемингуэя написано: один человек не может ни черта?

СЕВА: Помню. Это в «Иметь и не иметь». Но человек может не уронить своего достоинства. Как старик в море, как тореадор, избиваемый боксером в «Фиесте». Впрочем, об этом надо подумать.

СОБЕСЕДНИК: А Бог тебе разве мешает иметь свой мир?

СЕВА: Само собой. Он ведь сверху, ему все видно. И вокруг меня, и во мне. Это невыносимо! Как туалет без задвижки. Я живу среди людей, тая от них свою настоящую жизнь. Это личная тайна. На ней все держится. Без религии я защищен от вождей, от преподавателей научного коммунизма, от комсогов. Впрочем, я и сам был в школе комсогом. А тут появляется Он, которому все про меня известно, от которого ничего не скроется. Как на ладони! Нет, это невыносимо.

СОБЕСЕДНИК: Так зачем же ты хочешь о Нем пьесу писать? Чтобы отомстить?

СЕВА: Нет. Чтобы люди поняли: бог-то нужен, только он не сверху — он между нами возникает. Как наше согласие, соглашение, в общем — вера. В евангелии от Луки — единственном! Лука ведь не был из апостолов, он им только поверил. Так вот у Луки Иисус говорит ученикам: да не придет царство божье, как его обычно расписывают, — с облаков. Царство Божье внутри вас есть, — он сказал. Внутри нас, понимаете? Я читал, что более точный перевод был бы: между вами Оно.

СОБЕСЕДНИК: Может быть, ты мне позволишь прочесть, что сегодня написал?

Пауза.

СЕВА: Ладно.

Протягивает тетрадку.

Затемнение.

Картинка четвертая. В лодке.

В лодке несколько апостолов, занятых рыбной ловлей. Вытаскивают пустые сети.

- Рыба ушла на глубину. Нужно отплыть подальше.
- Нельзя отплывать: скоро придет Учитель.
- Ну, и что? Он ведь Бог, он может и по воде ходить. Бестрепетно. Он все может.
- Ты уверен?
- Да он сам говорил. А еще говорил, что нужно веру иметь — тогда можно все. Хотя бы с горчичное зерно веру, но совершенную, без усомнений, бестрепетную.
- Да все это знают.
- Отплываем!

Апостолы берутся за весла и гребут.

- А кого из нас Он любит больше всех?
- Мне кажется, меня. Он так со мной ласков...
- Почему не меня? Со мной он ласков особенно.
- Да Он со всеми ласков, с каждым.
- Разве можно любить всех одинаково?
- А Он любит по-разному. Каждого как единственного.
- А кто из нас любит его больше всех?
- Уверен, что я.
- Почему не я? Он для меня все!

На водной глади появляется Иисус в белом хитоне. Все в ужасе:

- Призрак!!!

ИИСУС: Это я, не бойтесь!

Иисус ступает по воде, приближается к лодке и вдруг, взмахнув руками, проваливается и исчезает. Один из апостолов кричит:

— Черти!!! Кто усомнился?

Немая сцена: апостолы сидят, потупившись.

— Неужели все?..

Затемнение.

Картинка пятая. В холле общежития.

Собравшиеся студенты рассаживаются, кто где, кто как — вокруг Председателя (тоже студента). В основном юноши, среди них две-три девушки.

— Старики! А Витька-то жениться всерьез собирается.

— На ком? На Таньке своей?

— Само собой.

— Вот дурак!

— Сам ты дурак. Танька — что надо! И москвичка. Московская прописка — это все!

— При чем здесь прописка? Для семейного счастья нужны только две вещи: раскладушка и ветка сирени на подоконнике. В пивной бутылке.

— Сирень быстро отцветает.

— Можно розой заменить.

— Розой дорого. Стипендии не хватит.

— Дурак потому, что опутывает себя первой попавшейся Танькой. Этих Танечек еще будет — не сосчитать.

ТАНЯ: Пошляк!

— Танчик, о присутствующих ведь не говорят, это же общеизвестно! Причем здесь ты? Это же Танька с классического отделения. И вообще — у нас эмансипация. Ты — просто наш хороший литературный друг.

ТАНЯ: Эмансипируйте меня обратно. Я женщина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Коллеги, хватит зубоскалить. Не забывайте, для чего мы собрались. Мы создаем наше собственное литературное объединение. Безо всяких шефов, чья поэзия и проза отслужили свое. Можно сказать, отжили. Напоминаю главное условие: слушателей со стороны, бескорыстных любителей поэзии мы не потерпим. Участвуют только те, кто сами пишут и готовы написанное хоть сейчас прочитать. Корить других легко, а сам ты чего стоишь?

— А как мы называться будем? Без названия литобъединение в историю не войдет. Потеряется.

— Давайте назовем: литобъединение имени Микояна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кончай зубоскалить! Причем здесь Микоян.

— Как причем? Самый надежный в политбюро: от Ильича до Ильича без единого паралича! Можно пригласить почетным председателем. Он денег отвалит. Или хотя бы в «Арагви» угостит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прекрати балаган! Хочешь, чтобы мы тебя исключили? Литература — это серьезно. И председателей почетных с нас хватит! Нужны настоящие.

— Как ты? Ну, серьезное дело, конечно. Но разве и пошутить нельзя?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: При обсуждении творческой продукции — нельзя.

— А где продукция?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Итак, кто готов предложить нам свои стихи? Или прозу?

Пауза.

— Ты председатель, ты и читай.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я высказываюсь в последнюю очередь. Таков порядок.

Пауза.

СЕВА: Ну, давайте я, что ли, начну. Какая разница? Все равно всем когда-нибудь придется.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Объявляю первое выступление. Всеволод... Как твоя фамилия? Забыл.

СЕВА: Бахманис.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всеволод Бахманис ознакомит нас со своим поэтическим творчеством. Так ведь?

— А что это у тебя за фамилия чудная?

СЕВА: Остзейская. Ну, то есть немецкая, но прибалтийская. По-немецки — Бахман, по-латышски — Бахманис.

— Бахман — еврейская фамилия.

СЕВА: Немецкая тоже. У евреев часто немецкие фамилии. У нас замечательный учитель истории был: Зегермейстер, то есть часовщик по-немецки. При Сталине из аспирантуры выгнали как космополита за то, что еврей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хватит болтать! Мы тебя слушаем.

СЕВА (*вздохнув, набравшись решимости*):

Проскакала кобылица
со своих лугов.
Прокричала что-то птица
со своих кругов.
Перевернута страница —
эпилог ясней.
Лиц длиннее вереница
в памяти моей.
Жадных к жизни дней водица
уж на дне ковша.
В вязи лет уж вязнет спица,
И спешит душа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У кого есть вопросы, замечания?

— А лошадь тебе зачем? О ней потом ни слова.

— А птичка?

— Да это же символы, ясно.

— Ничего не ясно! Символы — чего? И спица здесь — причем? Парки пряли, а не носки на зиму вязали.

— А куда у тебя душа-то спешит, Севка? Ты уж не помирать ли собрался? Рано еще! У нас все впереди. Вот о чем писать надо.

СЕВА: Ну, как вам объяснить? Это стихотворение о том, что мы будем чувствовать лет, может быть, в сорок или даже больше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сева, ты хороший парень. Это несомненно. Но я слишком люблю русскую литературу, чтобы одобрить такие ост-зейские стихи. И не надо чувствовать за других, за всех. У каждого ведь абсолютно своя отдельная жизнь!

СЕВА: А не надо чувствовать за других, так и литобъединяться не надо.

Уходит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не держит удара. Вспомните, как Маяковский умел отбрызгать мещанские насмешки! Кто следующий?

Таня встает и тоже уходит.

Затемнение.

Картинка шестая. На Пушкинской площади.

Вечереет. Таня и Сева идут рядом. Молчат.

ТАНЯ: Ты на все лекции ходишь?

СЕВА: Нет. Только на интересные.

ТАНЯ: А какие для тебя интересные?

СЕВА: Такие, где у лектора своя концепция имеется.

Неловкая пауза затягивается.

ТАНЯ: Ну, и глупое же получилось литобъединение! Ничего у них не выйдет.

СЕВА: Кто знает? Иногда получается. Только для этого настоящая дружба нужна. У нас исключительно дружный класс был, а в этом классе еще и наша четверка была. Четыре — это великое число! Помнишь ведь, сколько было трех мушкетеров? Трех мушкетеров было четыре! Евангелистов тоже четыре. Мы просто, как братья, жили. Всякий день перед уроками, во вторую смену учились, собирались у одного из нас. Обо всем своем рассказывали, не таились, друг к другу прислушивались. Каждый был рад слову другого. Подшучивали, конечно, но как раз и любили каждого за его странности, за его единственность! Никто бы себя не пожалел — за другого постоять. Как у мушкетеров. У Сталина был культ врага, а у нас — культ дружбы. А здесь в общежитии — каждый за себя, рад над другим потешиться, чтобы себя приподнять. Произнесешь что-нибудь: или не услышат тебя или высмеют.

ТАНЯ: Да дураки они! Стали с чего-то фамилию обсуждать. Разве литература от фамилии зависит?

СЕВА: Иногда зависит. Вот Пушкин — самая литературная фамилия! А с фамилией Безштанько за белый лист бумаги садиться бесполезно.

ТАНЯ: Не надо говорить глупости. Но твоя фамилия, в самом деле, интересная.

СЕВА: Еще бы не интересная! Мой дед был из латышских стрелков. Революцию делал. В иные дни она только на одних латышских стрелках и держалась. Ну, а после репрессирован был. Так я и родился сибиряком.

ТАНЯ: Сибиряки — надежные. Если бы я в Москве конкурс не прошла, я собиралась в Иркутск податься. Учиться на журналистку: «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете».

СЕВА: И сибиряки разные бывают.

ТАНЯ: Нет, рядом с сибиряком надежно, ничего не страшно. Кстати, стесняюсь сказать: мне твои стихи очень понравились.

СЕВА: Неужели правда? А я уже решил больше стихов не писать. Душу приоткрываешь, а туда лезут. Проза — другое дело.

ТАНЯ: Что ты! Тебе надо, обязательно надо писать. Прочитай что-нибудь еще!

СЕВА: Не хочу. Я впервые в жизни прилюдно читал свое — и вот что вышло.

ТАНЯ: Не поддавайся ты этим недоумкам! Они ничего не смыслят. Ну, пожалуйста, хотя бы одно. Любимое прочитай.

СЕВА: Ну, ладно...

Пауза.

Кормила женщина меня
из рук душистою малиной.
И целовала среди дня.
И день казался длинным-длинным.

Он весь был где-то впереди,
наш длинный день — такой короткий.
Как кровь, малина на груди,
на лбу, губах, на подбородке...

Мы знали с нею, что закат,
окончит день и все погубит.
Я помню где-то у виска
чьи-то малиновые губы.

Пауза.

ТАНЯ: У тебя был роман со взрослой женщиной?

СЕВА: Нет.

ТАНЯ: С учительницей, наверное?

СЕВА: Ничего этого не было.

ТАНЯ: Как ничего?

СЕВА: Ни малины, ни губ, ни женщины. Я это очень давно написал — больше года уже. Я тогда даже и вовсе еще ни с кем не целовался.

ТАНЯ: Так это ты все придумал?!

СЕВА: Нет. Мне эти строки пришли откуда-то, и я их записал. Иногда бьешься, бьешься — ничего не выходит. А тут вдруг слова сами приходили и складывались. Оно, как говорится, свыше было мне послано. Не по заслугам. Возможно, по ошибочному адресу послали.

ТАНЯ: Зато теперь ты, наверное, уже стал мастером целоваться? Опыта поднакопил?

СЕВА: Не издевайся! Если честно, еще не доводилось.

ТАНЯ: Хочешь попробовать?

СЕВА: Хочу.

Затемнение.

Картинка седьмая. В кафе.

Сева и Гена за столиком. Перед ними по стакану с бурой жидкостью.

ГЕНА (*проходящей мимо официантке*): Извините, моя ласковая, почему это пойло называется кофе? Кофе — он черный, и подают его в маленьких таких беленьких чашечках?

ОФИЦИАНТКА: Не умничай, аристократ. Это кофе по-английски!

ГЕНА: Ах, вот как! Будем знать.

ОФИЦИАНТКА: Англичане крепкое не пьют, оно у них разбавленное.

ГЕНА: Выгодно.

ОФИЦИАНТКА: Какое выгодно? Кофе не пиво, много не заработаешь.

Уходит. К столику подсаживается Алкаш.

АЛКАШ: Слушайте, старики, не в службу, а в дружбу, угостите чуть-чуть. Душа рвется, ну, просто изнывает душа.

ГЕНА: Извините, у нас лишних денег нет.

АЛКАШ: Кто говорит о лишних? Лишних я и не прошу, это было бы подаяние. Из жалости. Мне жалости не надо, милостыню я не принимаю. А вы из нелишних угостите, а? От души, понимаете? От своей души — моей душе! А я вам песенку спою. Слушайте (*начинает петь серьезно, с чувством*):

От злой тоски не матерись, —
Сегодня ты без спирта пьян...

Приближается Официантка.

ОФИЦИАНТКА: Это ты-то — без спирта?! Денатурата, что ли, нализался? Глаза б мои тебя не видели! Пошел отсюда. Не приставай к студентам. Они бедные, они умные, они учатся, чтобы человеком стать. А ты — тварь пьяная.

АЛКАШ: Чего лаешься? Если бы ты могла понимать, с какой невыносимой тоски я пью...

ОФИЦИАНТКА: У всех у вас одна тоска — бутылка.

АЛКАШ: Грубая ты женщина. Ты что? Разве хоть одним глазком в мою душу заглядывала? Ведь каждый человек — тайна.

ОФИЦИАНТКА: Пошел отсюда со своей тайной! Сейчас милиционера позову — на пятнадцать суток сядешь. Там никто не нальет.

АЛКАШ: Ухожу, ухожу, ухожу.

Действительно уходит.

СЕВА: Любопытное учение у христиан. Они говорят, сам Иисус учил: в каждом, кто к тебе обращается, нужно уметь увидеть Христа.

ГЕНА: И в этом попрошайке тоже?

СЕВА: Получается так.

ГЕНА: Это бред!

СЕВА: Не бред, а концепция.

ГЕНА: Концепция отжившего прошлого, друг мой.

Затемнение.

Картинка восьмая. На Пушкинской площади.

Скопление людей, преимущественно молодых, переминающихся с ноги на ногу лицом к памятнику, спиной к зрителям. Среди них Сева и Гена.

СЕВА: А кто они такие вообще? Что они сделали?

ГЕНА: Не знаю. Наверное, нам объяснят?

Проходящая мимо относительно молодая женщина трогает Севу за рукав:

— Мальчик, как у вас со здоровьем?

ГЕНА: Да отойди ты! Здоровье в порядке — спасибо зарядке!..

Женщина скрывается в толпе.

СЕВА: А кто это был? Что она хотела?

ГЕНА: Ты не понял? Ну, мальчик, я тебе после объясню.

Возле памятника кто-то вскидывает бумажный транспарант: «Свободу Синявскому и Даниэлю». Немедленно несколько рук в него вцепляются, рвут, а поднимавших волокут через толпу к милицейской машине. В толпе мелькает Гера с фотоаппаратом. Кто-то хватывает у него аппарат и разбивает о мостовую.

Броуновское движение толпы. Мимо Севы с Геной протискиваются две девушки, занятые разговором. Следом за ними проталкиваются двое в штатском: пожилой и молодой.

МОЛОДОЙ (вполголоса): Товарищ майор, девиц обеих нужно брать! Я за ними давно хожу. Они такое несут... Я вас уверяю: брать нужно обеих!

ПОЖИЛОЙ: Да погоди ты! Зачем событие раздувать? Они, может, этого только и добиваются. А нужно будет — так всех заберем.

На паранет поднимается молодой парень. Собравшись с духом и вздохнув поглубже, выкрикивает:

— Граждане свободной России...

Немедленно несколько рук сдергивают его с паранета и волокут к милицейской машине. Вмешивается случайно проходивший мимо старик в толстенных очках:

— Что это происходит? Что вы себе позволяете? Отпустите его! Вы делаете ему больно! Отпустите немедленно!

— Вали отсюда, старикан, пока цел.

— Я требую оставить молодого человека в покое! Меня так же вот однажды посадили в воронку — а после двадцать лет на Колыме!

— Живучий же ты, дед. Тем более вали отсюда.

— Я требую его отпустить!

— Сам напросился.

Его хватают и волокут в милицейскую машину тоже.

— Отпустите меня! Больно! Не надо!..

Затемнение.

Картинка девятая. В кафе.

Сева и Гена за столиком.

ГЕНА: После такого стоит выпить.

СЕВА: Я вообще-то не очень. Как-то раз так совсем сплоховал. Ну, давай. А то не по себе как-то...

ГЕНА (*Официантке*): Агдам! Два стакана!

ОФИЦИАНТКА: Вам, доходяги, есть надо, а не пить. В чем только душа держится?

ГЕНА: Не твоя, мать, забота. А ты по доброте твоей по конфетке на закусь подкинь, а? На степуху живем... (*Сева*) На фольклорной умора была. Колхознички на покос в дальнюю деревню ездили, и мы с ними отпросились у руководительницы. Мы с Вовиком и девица одна к нам пристала. Сказали: они же на покосе петь будут, а мы записывать. Доехали, вылезаем из кузова, и — в сельмаг. А селяне — косить. Купили мы бутылку водки, а на закуску не наскребли. Нашли полянку — чудесную. Сплошь в дикой клубнике. Или землянике? Земляничная поляна! Видел у Бергмана? Глотнешь из горла — теплая... Такая гадость! И бегаешь по поляне земляничинки ищешь — закусить. Потом только догадались: нужно сначала горсть земляники набрать, а потом уже глоток, и сразу зажевать. Рекомендую!

Официантка приносит стаканы и пару конфет.

ОФИЦИАНТКА: Натe, ублажите свои души. Да не ужритесь, соколики.

Подержали стаканы в руках, вытили. Помолчали.

СЕВА: Мерзко чувствовать себя трусом. Вот в чем дело. Тот парень явно студент, как мы. Теперь его будут бить, завтра исключат из комсомола, послезавтра — из университета. Он не мог этого не знать, когда на парашют полез. И знал, что не договорит, что сдернут. И все-таки полез. Чтобы не стыдиться потом. А вот я бы не решился. Доучиться хочу.

ГЕНА: Не в трусости дело. В организованности. Их там было полплощади — курсантов школы КГБ. Переодетых, но организованных. А мы разобщены, растеряны, нас не подготовили. Нам нужна организация!

СЕВА: Типа литобъединения?

ГЕНА: Типа партии.

СЕВА: Это уже было и до нас. Ничего хорошего.

Затемнение.

Картинка десятая. В холле общежития.

Два-три человека занимаются. Входит Гера с гитарой. Один из сидевших кричит: — Герка, привет! Выбегает с криком: — Гера пришел! Постепенно холл заполняется студентами. Сева и Таня садятся рядом.

— Герка, выпьем?

ГЕРА: Не сейчас. Сначала попоем, а после и попьем.

Перебирает струны. Затем негромко поет (без художественного свиста):

Если радость на всех одна, на всех и беда одна,
Море встает за волной волна, а за спиной спина,
Здесь, у самой кромки бортов друга прикроет друг,
Друг всегда уступить готов место в шлюпке и круг.

Его не надо просить ни о чем, с ним не страшна беда,
Друг мой — третье мое плечо, будет со мной всегда,
Ну а случись, что друг влюблен, а я на его пути,
Уйду с дороги, таков закон, третий должен уйти.

ГЕРА *(без паузы)*: Слушайте анекдот. Петька спрашивает у Чапаева: «Василь Иваныч, что у тебя с головой?» Чапаев отвечает: «А что, нравится? Ребята посоветовали: яйцами помыл». Петька: «Ну, и акробат же ты, Василь Иваныч!»

Все смеются.

ОДНА ИЗ ДЕВУШЕК: Давайте петь вместе!

ГЕРА: Чего прикажете?

ОДНА ИЗ ДЕВУШЕК *(запевает)*: Клены выкрасили город...

Все подхватывают, Гера подыгрывает.

...Колдовским каким-то цветом.
Значит скоро, значит скоро
Бабье лето, бабье лето.

Хлопком по струнам Гера прерывает песню.

ГЕРА: Это главное! В жизни мужчины главное — женщина.

ТАНЯ: Давайте Окуджаву петь.

Гера берет пару аккордов, запевает, все подхватывают.

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
приходят январь.

Нам все дано сполна —
и радости, и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.

Прожить бы жизнь дотла,
а там пускай ведут
за все мои дела
на самый страшный суд.

Там оправдания нет,
и, целый век спустя,
семь бед — один ответ,
один ответ — пустяк.

Неистов и упрям,
гори, огонь, гори.
На смену декаблям
приходят январь.

Некоторые поют «январь», другие радостно выкрикивают: сентябрь!

ТАНЯ (*Севе потихоньку*): Хорошо, правда? Окуджава всех объединяет.

СЕВА: Да, Окуджава — наше все.

Затемнение.

Картинка одиннадцатая. В комнате общежития.

Обстановка второй сцены. Сева и Гена полулежат с книгами на своих постелях. Антон лежит, мечтательно глядя в потолок.

АНТОН: А знаете, старики, как нашего ПэЖэ знающие люди называют? Гладиатором.

ГЕНА: Что-то он не производит боевого впечатления.

АНТОН: Зато при Сталине он был замминистра культуры, а министром был Александров. И было знаменитое «Александровское дело». Министр культуры со своим ближайшим окружением на шикарной правительственной даче культивировал оргии. Смазливой молодой актрисе, чтобы получить распределение в приличный театр, требовалось пройти через эти смотрины. Ритуальные совокупления. Высокая подмосковная античность. Так вот на суде наш ПэЖэ клялся со слезами на глазах: я их только гладил! Только гладил!

Отсюда — гладиатор. Простили. За былые партийные заслуги. Не посадили, кинули к нам простым профессором.

СЕВА: То-то я замечал: он глубокомысленно руку ко лбу приставляет, а через раздвинутые пальцы на коленки девушек посматривает.

ГЕНА: Конечно! Погладить-то хочется...

АНТОН: Нет, это он предается приятным воспоминаниям. Все-таки пожил человек в свое удовольствие, не то, что мы.

СЕВА: А я Гладиатору в прошлом году курсовую сдавал. Он прочитал, вызвал меня и говорит: я не хочу ломать Вашу жизнь, и поставлю Вам пятерку. Только этот текст Вы не должны никому показывать, его следует немедленно уничтожить. А если Вы этого не сделаете, и кто-нибудь его прочитает, то Вы обязаны, как честный человек, сказать, что научный руководитель был против.

Затемнение.

Картинка двенадцатая. В кафе.

Обстановка первой сцены. Сева за столиком пишет. Вбегает Гена.

ГЕНА: Помчали на площадь!

СЕВА: Зачем?

ГЕНА: Протестовать!

СЕВА: Против чего?

ГЕНА: Ты что, ничего не знаешь? Не слыхал? Против вторжения!

СЕВА: Какого вторжения?

ГЕНА: Нашего вторжения! В Чехословакию. Им там захотелось социализма с человеческим лицом, а мы им в это лицо — дулом танка двинули. Какие-то люди там протестуют против этого свинства.

ОФИЦИАНТКА (*проходя мимо*): Ну, и сволочи эти чехи. Мы за них в войну кровь проливали, а они бунтовать вздумали.

СЕВА: погоди. Я должен подумать.

ГЕНА: Чего тут думать? Протестовать, и все.

СЕВА: Думать всегда не вредно.

ГЕНА: Поглядите на него, какой основательный! Не корчи из себя.

СЕВА: Будучи злословим, Он не злословил взаимно.

ГЕНА: Ну, и сиди себе тут, писателишка недоделанный! Трусишь, как тогда с Синявским? Можно ведь всю жизнь писать, писать, и ничего не произойдет. Нужно совершить поступок!

СЕВА: Того страха у меня больше нет. Просто я не уверен, что поступок нужен именно такой. Я не знаю тех людей, которые собрались там. Те ли они, с кем мне следует идти общим путем?

ГЕНА: К черту!

Убегает.

Появляется Собеседник в белом хитоне. Медленно приближается. Протягивает руку в сторону Севы.

СОБЕСЕДНИК: Это я, не бойся. Шестидесятые годы закончились. Следуй за мной, Всеволод.

Сева встает. Собеседник направляется к выходу. Сева идет за ним.

Затемнение.

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Евгений Долматовский — известный советский поэт, автор многих известных и любимых народом песен, таких, как «Моя любимая», «Случайный вальс», «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы», «Сормовская лирическая», «А мы случайно повстречались» и др., был моим руководителем творческого семинара в Литературном институте.

Нина КРАСНОВА

ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ ДОЛМАТОВСКОГО НИНЕ КРАСНОВОЙ

*ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ/
/Москва, 18 мая 1973 г./*

ХАРАКТЕРИСТИКА на студентку Нину Краснову, 1 курс Литературного института

Нина Краснова — студентка способная, пишущая много и с экспрессией, подчас написанные ею строки страдают из-за торопливости, желания во что бы то ни стало запечатлеть на бумаге состояние души, еще не пронизанное мыслью, не осознанное, неизвестно какое — мелкое или крупное, достойное стиха или являющееся лишь обещанием, намеком.

Много в стихах Красновой рассуждений о поэзии, преждевременных волнений и переживаний, касающихся определения своего места в литературе. Эти наивные страницы носят несколько провинциальный характер.

Нельзя сказать, что Нина Краснова изменилась и стихи ее выросли за тот период, когда она учится в Литературном институте. Но экспериментальная работа ведется студенткой, в частности, на семинаре отмечались ее упорные поиски в области композиции лирического стихотворения. Здесь Нина Краснова имеет несомненные успехи.

По-прежнему верим в возможности Нины Красновой.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

18.V.73 г.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Москва, 5 мая 1974 г./

ХАРАКТЕРИСТИКА
на студентку 2 курса очного отделения
Нину Краснову

Подводя итоги 2-х лет учебы Н. Красновой в нашем семинаре, могу отметить, что она сосредоточила свое внимание на поисках собственных средств выражения. Долгое время Краснова теряла себя, попадала под влияние и обаяние стихов Марины Цветаевой. Это очень типичный, весьма распространенный случай. Мне кажется, что — не слишком быстро и не всегда закрепляя достигнутые рубежи — студентка выбирается на собственный путь, в круг собственной поэтики.

У Красновой есть общественный темперамент, однако она его как бы стесняется, сочиня лирику во что бы то ни стало, как мне представляется — следуя моде и боясь упреков в прямолинейности.

Все же я обязан отметить, что Краснова стала писать лучше, раскованней, даже иногда обретает этакую хлесткость.

Способности Н. Красновой постепенно проявляются, в ее тетрадях есть уже ряд хороших, очень свободно написанных стихов.

Со спокойной совестью ставлю зачет за 2 курс.

Руководитель семинара
Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

5.У.74.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Москва, 1975 г./

ХАРАКТЕРИСТИКА
на студентку 3 курса очного отделения
Нину Краснову

Уверенно и смело пишет Н. Краснова о своей неуверенности и робости. Ее перо — острое и беспощадное, она вторгается в глубины духовной жизни своего поколения, иногда с избытком риторики, но всегда очень страстно и определенно. Мне кажется, что наш институт благотворно влияет на развитие способностей Красновой, что она пишет год от года все интересней. Ее голос обретает собственные нотки и оттенки. Рассчитываю не ошибиться и не разочароваться в Н. Красновой.

Руководитель семинара
Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

26.У.75.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Москва, 13 июня 1976 г./

ХАРАКТЕРИСТИКА
на студентку Нину Краснову,
4 курс, очное отделение

Нина Краснова — очень активный и острый литератор, стихотворец искренний и простодушный. Эти искренность и простодушие поднимают стихи Н. Красновой в тех случаях, когда они вызваны вдохновением, противоречивым столкновением с жизненными трудностями и жаждой их преодоления; они же делают вялыми и неинтересными те стихи, которые написаны по инерции.

В стихах Красновой содержатся думы и переживания молодежи ее поколения. Преобладает разговорная интонация, доверительная, естественная. Попытки написать поэму сегодня пока не принесли Красновой успеха. Это скорее — цикл стихов /«Гостиница»/. Но как цикл — очень интересно! Она успешно владеет коротким сюжетным стихотворением — считаю, что и это важно. Не всякий стихотворец может /и должен/ писать поэмы. Ничего в этом нет страшного. Получился живой цикл, объединенный одной мыслью /а не сюжетом/.

В успехе дипломной работы, к подготовке которой уже приступила Н. Краснова, я уверен.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

13.У1.76.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Москва, письменная рекомендация Нине Красновой по подготовке дипломной работы к защите, январь 1977 г./

Нина,

Твоя дипломная работа по объему великовата. Не будучи согласен с теми, кто над ней трудился и сокращал ранее, я предлагаю вот так:

1. Не делать глав /«Сны под пятницу» слишком подробны и повторяют друг друга/.
2. Я бы снял следующие стихи:
 1. Месяц боком от форточки пятится.
 2. Я плакала во сне.
 3. Милый, милый, не во сне я.
 4. Мне сегодня снилась дева.
 5. Во сне лесные тропки снятся.
 6. Шью, и в пальцах дрожит игла.
 7. Не стой у двери.
 8. Привыкаю быть без тебя.
 9. Так горю, что взбеситься можно.
 10. Повернусь, отойду от двери.

11. За упущенным счастьем охотиться.
12. А я плакать не стану.
13. Сон про войну/длинно и неглубоко!/
14. Мы стоим прощаемся у клена.
15. Кирпичный дом.
16. Метель.
17. Ромашки.
18. Звезды не светятся.
19. Я счастлива с тобой.
20. Не получаю писем.
21. Я сделаюсь послушной.
22. Я тебя все равно потеряю.
23. Холодно мне под двойным одеялом.
24. Плакать поздно.
25. Спотыкаюсь о корни.
26. Рязань — Россия.
27. Посадил садовник саженцы.

Из цикла «Эмигрантка» я оставил 2 стихотворения /под общим названием «От бывшей поклонницы»: «Певицы Мондрус больше нет, увы», «Вы Родину оставили. Зачем и почему?...»/. А то слишком много для этой Мондрус, право.

Работу надо будет несколько перестроить, если мы откажемся от глав.

Главная причина сокращения: нельзя давать такую объемистую рукопись как дипломную работу. Оппоненты не прочтут. Так достаточно и хорошо.

Отзыв я написал, надо сложить рукопись, сделать новое оглавление — и в переплет!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Янв. 1977.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Москва, 26 января 1977 г./

НИНА КРАСНОВА. СТИХИ. ДИПЛОМНАЯ РАБОТА. ЗАКЛЮЧЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ

Нине Красновой и легко, и трудно было складывать свою дипломную работу. Легко потому, что она много, а порой взмахом пишет. Трудно потому, что ее перу свойственно то, что в музыке называется темой и вариациями. Многие строки /и отнюдь не плохие/ варьируются, повторяются в чуть измененной тональности.

Но вот отбор произведен, перед нами рукопись, в которой лирическое направление преобладает, умение слагать стихи, несомненно, есть, есть черты, которые можно назвать если не индивидуальным почерком, то верным путем к индивидуальному почерку.

Отличительной чертой и достоинством поэтической работы Нины Красновой я считаю легкий и очень тактичный налет иронии. В советской поэзии эта линия определена Светловым, С.В. Смирновым, но Н. Краснова владеет этим сложным мастерством по-своему, не жалея себя и придавая стихам высокую степень доверительности.

Хочу отметить еще одно ценное свойство работы Н. Красновой: она удивительно свободно, в разговорной манере строит строку и строфу. Тут у нее уже другие учителя и союзники, не только Светлов, тут она достигает значительного, в то же время как бы незаметного, не бросающегося в глаза успеха.

Способности, привлечшие наше внимание к творчеству Н. Красновой пять лет тому назад, развернулись и окрепли за время учебы. Естественность высказывания сохранилась, но помножилась на четкость стиха, зримую образность и ироничность, о которой я уже сказал в самом начале своего заключения.

Н. Краснова не слишком разбрасывается в поисках темы. Нет, в ее стихах просто — разговор о доме, о матери, спор с любимым человеком, переживания, связанные с обыденными житейскими делами и неурядицами. Но я утверждаю, что написанное Красновой современно, потому что из этих стихов складывается образ и характер сегодняшней гражданки страны — не утратившей всей тонкости ранимой девичьей натуры, но в то же время стойкой и достойной, упрямой, сильной и даже властной.

Лирический герой этих стихов очень интересен и оригинален: речь идет о создании советского характера, вот что важно.

Если я повторю вновь, что Краснова владеет стихом очень свободно, что в ее строфах не чувствуется мука над черновиком, хотя и не легко далось то или иное стихотворение, то можно с уверенностью сказать: мы выпускаем из стен института стихотворца, которого запоним, за работой которого будем следить и надеяться, что он придет к широкому читателю, будет и им замечен.

Хочу еще добавить, что интимная лирика Нины Красновой отнюдь не противоречит и не чужда мотивов общественных, только они, эти мотивы, органически и незаметно вплелись в интимное, сугубо личное, стали его частицей.

С уверенностью поддерживаю дипломную работу Нины Красновой.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

26.01.77.

Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Москва, 24 ноября 1976 г./

НАДПИСЬ на книге Е. Долматовского «Было» / записки поэта, М., «Советский писатель», 1975 г. /:

НИНЕ КРАСНОВОЙ —
ВЕРЯЩИЙ В ЕЕ ОДАРЕННОСТЬ
И УПРЯМСТВО

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

24.11.76 г.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Москвы в Рязань, на ул. Шевченко, 30 апреля 1979 г./

Милая Нина!

От души поздравляю тебя с первой книжкой /«Разбег», М., «Советский писатель», 1979. — **Н.К.**/ . Она очень хорошо издана, ее приятно взять в руки.

Я внимательно прочитал книжку и порадовался: очень искренне, весьма поэтично, без нажима и избытка терминологии видно, что все это написано сегодня.

Ты понимаешь, что мне было радостно увидеть, что многие стихи, которые мы обсуждали/и редактировали «всем миром» хвалили (на семинарах в Литинституте. — **Н.К.**), вошли в книгу.

Я в тебя, в твою поэтическую душу верил с 1-го курса, подтверждаю эту уверенность, прочитав первую книжку.

Желаю новых стихов! Действуй, не робей!

Всего доброго!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

16.1У.79.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ
/Из Москвы в Рязань, на ул. Шевченко, 8 января 1980 г./

Милая Нина,

спасибо за новогоднее послание. Я поздравляю тебя, славная рязаночка, и уверен, что в 1980 году ты будешь членом Союза писателей. Я уверен в твоих успехах на белых страницах бумаги, которые, от прикосновения твоего пера, засверкают яркими красками жизни. Дерзай, трудись, не робей!

ТВОЙ
Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

8.1.80.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Москвы в Рязань, на ул. Шевченко, письмо на открытке, 3 марта 1981 г./

Милая Нина!

Спасибо за добрые слова по почте.

Твои стихи в «Юности» прочитал с удовольствием, но огорчился, если правда, что Рязань не принимает в объятья свою верную дочь.

От имени старших — с Днем ПОБЕДЫ!

Стихов, успеха желает

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

3.У.81.

Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Москвы в Рязань, на ул. Шевченко, 8 июня 1981 г./

Милая Ниночка!

если на тебя начали писать пародии, значит ты состоялась как поэт. На ничего пародий не пишут. Так я понимаю! Так что пиши «на полную катушку», живи поэзией. Все остальное — суета!

В Литературном институте уже завершают в этом году учебу мои следующие семинаристы. Есть способные ребята, но и робеть умеют, вот от чего я их не отучил! Учю новых — они завершили первый курс.

О своих успехах /и неудачах — они ведь чередуются/ докладывай старому учителю!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

7.У1.81.

Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Москвы в Рязань, на ул. Шевченко, 27 октября 1981 г./

Неугомонная Нина,

спасибо за доброе письмо. Я очень радуюсь твоим успехам, твоей юношеской непосредственности, которая уже сама по себе — залог поэтической деятельности.

Про пародию /Александра Иванова, «Нечто трогательное». — **Н.К.**/ Не огорчайся, хотя она и похабна до крайности. А все же популярности тебе придаст. Я считаю Иванова человеком талантливым, но шалавым. Он пародирует не всего поэта, а строки, в лучшем случае — стихотворение. Слабак!

Я весь завален работой, потому так коротко пишу.

Успеха!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

25.У1.81.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Москвы в Рязань, на ул. Новоселов, 30 апреля 1986 г./

Милая Нина,

получил Вашу книгу «Потерянное кольцо». Поздравляю, подтверждаю в ответ на стихи-посвящение, что Вы /ты!/ молодец!

Буду читать строго, как всегда.

Успеха!

С 1 и 9 мая!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

28.1У.86.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Москвы в Рязань, на ул. Новоселов, 11 января 1988 г./

Милая Нина,

Ваши письма и Ваши успехи — большая радость для меня!

Просьба о книге для музея /для Рязанского литературного музея. — **Н. К.**/ — действительно — до сих пор мною не удовлетворена. Почему? Испытываю некоторую неловкость — почему это Д. послал свою книгу в музей? Уж не зазнался ли он — книги по музеям рассылает?

Признаюсь — как на духу.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

9.1.88.
Москва

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Москвы в Рязань, на ул. Новоселов, 10 марта 1990 г./

МИЛАЯ НИНА!

Спасибо за книжку /«Плач по рекам», М., «Современник», 1989. — **Н. К.**/! Не только за ее присылку, но за то, что она заслуживает читательской благодарности: открытый, чистый, честный разговор с собой и людьми. Все то, что было в те годы, когда мы с Вами учились в Литинституте, у Вас сохранилось, но окрепло и расцвело. Как мне не радоваться!

Когда заскочите в столицу, имейте в виду, что по вторникам наш семинар по-прежнему с 10.30. Очень буду рад представить Вас своим студентам /есть способные!/.

ВАШ
Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

С 8 Марта!

3.Ш.90.
Москва

Компьютерный набор писем Евгения Долматовского
сделан 9 февраля 2002 г., сб.

Дополнение /творческие характеристики, отзыв о дипломной работе,
Автограф на книге/ — 15 февраля 2002 г., пт.

Публикацию подготовила Нина КРАСНОВА

Поэт. Родился в 1997 году в городе Муроме, где и живет до сих пор. Печатался в журнале «Юность» и других литературных СМИ. Член Союза писателей XXI века с 2024 года.

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

ВЕДИЧЕСКИЙ ДАР

(Жизнь и творчество Владимира Алейникова)

Юбилей — 80-ти летие поэта Владимира Алейникова — знаменует собой важнейшую дату в истории русской литературы. Сложно вспомнить за последнее время хотя бы одно событие, имеющее подобную значимость.

Автор многих сотен поистине внеземных и глубоко подлинных стихотворений, создатель многотомной лирической эпопеи мемуарных текстов, граничащих с лучшими образцами синтеза поэзии и прозы, один из основателей легендарного СМОГа, — все это лишь немного, что характеризует Владимира Алейникова, великого поэта своего и нашего времени.

Показателен тот факт, что за последние десятилетия в русской поэзии не появился ни один автор, способный приблизиться к той планке, которую осмелился задать Алейников, осуществив уверенной поступью своего сложнейшего пути все необходимые задачи, стоящие перед настоящим художником, чья жизнь не игра, а громадная ответственность перед собой и речью родного языка.

Судьба всякого подлинного творца включает в себе роковую неразгаданность, и подобрать ключи к ответам на многие темы, волнующие читательское сердце, чрезвычайно сложно. Еще не одно десятилетие литературоведы, филологи и всевозможные специалисты в области культуры будут ломать копыя о философский камень творческого дара Алейникова.

С самых первых шагов в литературе, молодой вундеркинд, не достигший совершеннолетия, сразу же обратил на себя внимание любителей поэзии. Та песенная и глубоко новаторская лирика, что вышла из под пера заявившего о себе поэта, уже на старте заставила признать свою неоспоримость. Синтаксическая уникальность, образная насыщенность, самостоятельность и неподдельность каждого слова алейниковской поэзии той поры и сейчас приводит в изумление настоящих ценителей слова.

Уроженец Перми, выходец из Кривого Рога, потомок древнего казацкого запорожского рода, отправляется в Москву, уже имея за плечами признание от Миколы Винграновского, а также несколько публикаций

в газетах. Алейников с самого раннего возраста определяет для себя главенствующее правило — творчество прежде всего, без заигрываний с политикой и всяческим официозом. Но жизнь распорядилась иначе. По судьбоносному стечению обстоятельств он входит в историю буквально с первых шагов, встречая соратников в лице молодых и талантливых юношей, чья зрелость и амбициозность на тот момент обращала на себя внимание многих. Обретя близких по духу людей, — прежде всего, Леонида Губанова, — Алейников практически с ходу выдвигает идею о необходимости объединения никому тогда еще неизвестных творцов.

То, сколько шума наделал в начале 60-х годов СМОГ, можно узнать, прочитав книги прозы Алейникова, — хотя многие, даже мельком знакомые с историей русской поэзии второй половины 20-го века, давно в курсе всех основных событий.

Многочисленные чтения в кругу поклонников любителей слова, выступления на площади Маяковского, смелое заявление о самих себе перед старшим поколением авторов, нежелание считаться с основными законами литературно-идеологической среды тогдашнего времени породило вслед за тем неизбежные последствия в виде пристального внимания со стороны органов власти. Многие постарались сделать так, чтобы упоминания о смогистах сошло на нет. За тем последовали отчисления из университетов, давления карательных органов, аресты и всевозможные препятствия на пути к восхождению молодых дарований на словесный Олимп.

Тем не менее, Владимир Алейников не сломался. Уйдя в сознательное «подполье», он продолжал развивать свой дар с необычайным упорством, словно помня слова Ходасевича о необходимости обработки своего таланта в религиозном порядке.

Многочисленные сборники, написанные поэтом за последующие годы, являются наглядным примером того, как важно, помимо имеющегося дара, следовать принципам поступательного и несуетного движения «вперед, вглубь и ввысь» (слова самого Алейникова). Девизом поэта было — никого ни о чем не просить, стойко нести свой крест, доставшийся от великих предшественников по праву.

Теперь сложно и представить, сколько встретилось препятствий на пути у поэта. Вслед за отчислением из МГУ начались вынужденные годы скитаний, безработица, но самое главное — отсутствие литературной реализации, продолжавшееся десятки лет. Четверть века один из главных поэтов страны не имел возможности увидеть напечатанными свои строки. Благо, творческое окружение, составляющее по тем временам весьма внушительный круг людей, относилось к стихам поэта с постоянной отзывчивостью. Десятки поклонников творчества Алейникова, среди которых были Арсений Тарковский, Андрей Битов, Генрих Сапгир, Евгений Рейн и многие другие, навсегда сохранили в себе те благодатные отсветы дара поэта, затронувшего их сердца, ценя, помимо всего прочего, еще и чисто человеческие качества молодого, а впоследствии уже глубоко зрелого творца.

Впрочем, если говорить о зрелости, приходится признать неоспоримый факт того, что даже самые ранние вещи Алейникова, несмотря на некое различие с последующими текстами в семантической области строк, уже являют собой все основные достоинства его поэзии. Отсутствие тривиальности, природная естественность, новаторство самого звучания слова, — все это, раз и навсегда вошедшее в плоть и кровь поэта, стало теперь неотъемлемой частью русской словесности.

Однако, первая книга поэта, изуродованная цензурой, вышла в момент, когда автору был уже 41 год. Несколько лет, в восьмидесятых, Алейников переводил поэзию народов СССР, чтобы прокормить семью, чтобы выживать. И только в начале девяностых, в период свободного книгопечатания, вышли, наконец, книги стихов в подлинном виде. В тот же период Алейников помогает издать сборники своим соратникам (Величанский, Пахомов, Рейн, и др.) Все это было для него естественным поведением.

В период, когда на страну, помимо прочих катаклизмов, обрушиваются удары в области культуры, когда для большинства людей жизненные ориентиры начинают буквально сходиться с рельс, Алейников принимает судьбоносное решение уйти в сознательное отшельничество: он поселяется в Коктебеле, месте поистине священном для всех, кому дорога история русской духовной жизни. Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Андрей Белый, а также другие представители Серебряного века, оставившие после себя незримые творческие энергии, обрели, наконец, своего наследника, вручив эстафету собственных мистических исканий творцу небывалой мощи.

Продолжая расширять границы речи, Алейников, по собственному признанию, в один момент вдруг увидел внутри себя некий свет, озаривший закоулки воспоминаний своего прошлого. Подобно пчелиным сотам, перед ним возникли образы тех событий, людей, с которыми столкнулась его жизнь. С этого момента в творчестве поэта, помимо создания все новых стихотворений, наступает период, когда всем его существом завладевает идея создания эпического полотна в области прозы, — хотя сложно применить конкретное, упрощенное слово к образцам алейниковских текстов. Воспоминания о былом, сравнимые по смелости и мастерству разве что с образцами вершин мистериальных текстов, еще ждут своего внимательного и проникновенного исследователя.

Практически единственный оставшийся в живых свидетель теперь уже легендарной эпохи продемонстрировал свой талант наравне с поздней катаевской прозой. Алейников — прежде всего поэт, и об этом дает знать сама уникальность внутренней структуры повествования, где неизбежно присутствует внутренний ритм, перекликающаяся между собой рифмовка, что заставляет вспомнить «Симфонии» Андрея Белого.

Удивительно, однако, то, что ни малейших заимствований у Алейникова нет, всякая строка органично вписывается в канон русской прозы. Так, на склоне лет, пройдя бурную молодость, суровую зрелость, поэт становится настоящим классиком при жизни, в одиночку создав вселенную и мир собственных образов, опередив, кстати говоря, и более молодых авторов в области новаторства.

Все это лишь немного, что можно сказать о Владимире Алейникове.

Всякое масштабное творчество, являясь по существу своему внеидеологичным и независимым, тем не менее, должно иметь глубокие корни. И, кажется, именно здесь кроется главное в феномене Алейникова. В своих многочисленных интервью поэт прямо заявляет о том, что ощущает себя законным наследником ведической традиции, озаренной стихией степных просторов. Ведь русская поэзия по существу своему всегда мистична. Недаром сам процесс рождения и создания стихотворений Алейников сравнивает с состоянием некоего транса, разумеется, не без сопутствующей ему внутренней, незримой работы над словом. Присутствие иррационального духа неизбежно возникает на пути творца, если он призван для того, чтобы сказать свое слово всерьез и навсегда.

Живя и продолжая творить сегодня, вдали от хаоса, не желая выпячивать собственную значимость на потребу легкомысленной публики, Алейников одним своим присутствием придает уверенность в том, что русская речь жива, несмотря на то, что пришли времена, которые по своей поверхностности и суетности не имеют равных в мировой истории. Ведь незримые духовные столпы, какими в свое время были Пушкин и Толстой, внутри себя хранят великую национальную тайну, за счет которой, быть может, и держится мир, часто стремящийся скатиться в бездну, не важно, по своей или по чужой воле.

Именно в таком поэте, как Алейников, нуждается Россия сегодня, как и вчера, не говоря уже о далеком и неизвестном грядущем.

Поэт, прозаик, литературный критик. Родился в поселке Холмский Абинского района Краснодарского края. Окончил механико-математический факультет МГУ (1988–1993) и аспирантуру Московского Государственного Университета леса (1993–1996), учился в Литературном институте имени А. М. Горького (2000–2001). Участник поэтической студии «Луч» при МГУ и литературного объединения «Рука Москвы». Начал публиковаться с 1999 года. Стихи печатались в журналах «Новая Юность», «Арион», «Зинзивер», «Сетевая поэзия», «Знамя». Малая проза печаталась в журналах «Октябрь», «Новый берег», «Крещатик», «Родомысл», «Зинзивер» и в Интернет-журнале молодых писателей «Пролог». Лауреат Волошинского фестиваля в номинации проза за 2007 год. Автор многих книг и публикаций. Живет в Алушке.

ЕВГЕНИЙ ЛЕСИН: ЛИРИК ПОД МАСКОЙ

Тонкий лирик, который почему-то скрывается не под трагической маской Пьеро, а под комедийной маской Паяца. Герой Аристофана, Менандра и Плавта. Пульчинелла, который хорошо себя ощущает в оранжевой кофте, но никого сбрасывать с парохода современности не собирается.

В его стихах любовь тоже приходит, хотя приходит вроде бы плотью, но всегда остается болезненное желание любви широкой и разлитой, как подростковая обязанность, как рассматривание в окуляр того, что лежит под тяжестью сквернословия, как магические заклинания, отгоняющие бесов и демонов от чистого чувства.

Я хотел от тебя одного —
Чтобы ты меня больше любила.
Даже больше, чем я.
Даже больше, чем это возможно

Лукиан, Достоевский, Лесков, Пушкин, Лермонтов, Высоцкий, Галич, Рабле, Спиноза, Рассел, Гроссман, Мандельштам, Толстой, Довлатов, Мережковский, Набоков, Домбровский и т.д и т.п. бродят по стихам Лесина не как писатели и поэты, а как персонажи его собственной поэзии. С ними ведется разговор по душам, не всегда явный, не всегда аскетичный, не всегда дружеский, а скорее разговор случайных собутыльников, которые пересеклись где-то в подвале на Тверской и теперь никак не обойтись без мордобоя. После мордобоя читают стихи, еще выпьют, поедут в номера, снова подерутся и снова читают стихи, потом дадут кому-нибудь в рыло и сами получают в рыло, уснут на скамейках Гоголевского бульвара, а очнутся в участке в Бибирево.

На станции «Тургеневской»
В вагон она шагнет.
И голову прекрасную
Дверями ей зажмет.

Этот тот мир, который реален, это не выдуманный бумажный мир альбомной поэзии девичьих дневников, а мясо поэзии. Любой человек, окунувшийся в этот мир, скажет вам честно, что стихи пишутся не в белоснежных спальнях в розовых пеньюарах и голубых чепчиках под «Вальс цветов» Чайковского, а в грязных вагонах метро, в чебуречных, у водочных ларьков 90-х с разведенным спиртом Рояль под гомерический хохот Ози Озборна, который проглотил летучую мышь.

Кажется, это может привести к постмодернизму, к литературной неразберихе, но весь этот мир, в котором Лесин валяет дурака, остается если не главенствующим, то безусловно решающим для понимания его поэзии. Любовь сквозь смех, сквозь саркастическую гримасу вечности, когда ты силишься сказать что-то важное и вечное красивыми словами, но понимаешь, насколько это не эстетично, насколько это смешно и натужно и не имеет никакой реальной основы на фоне поэзии прошлого и настоящего, и поэтому любовь к миру вываливается на бумагу только усилием воли сквозь сжатые губы.

Потеряли совесть, лопнули колготки.
Пили как собаки, были как коты.
Обменяли девку на бутылку водки,
На бутылку водки редкой красоты.

Свой поэтический мир Лесин перенес в жизнь. Маска прилипла к лицу, и вот его лирический герой уже в напыщенной размалеванной толпе, которая похотливо называет себя литературной богемой, нарушая все установки вездесущей толерантности, выкрикивает лозунги, достойные героев Союза Михаила Архангела и надписей из московских туалетов 90-х, но сама позиция шута, позиция поэта, имеющего право речи по факту дара, приводит не к гнетущим последствиям, а к гомерическому смеху, ведь смех и есть те последствия, которые должны получить напыщенные идеи, а, возможно, и просто все идеи. Лесин не уточняет, какие идеи должны быть наказаны, он просто высмеивает любую натужную целеустремленность и твердолобость, высмеивает на правах литератора, на правах венецианского маскарада. Он даже замахивается на самое святое. В его руках то ли шпага отменного фехтовальщика, то ли мамина спица.

Пускай поэт лежит в канаве,
Ты осуждать его не вправе.

И под этим спудом антиидей, как под спудом антиматерии, как в клею ПВА, в кутерье антиэстетства, перерастающего в крайнее эстетство по законам единства и борьбы противоположностей, и существует лирический герой Лесина. Он как бы завис в воздухе над землей, в пространстве, ему бы сделать усилие и прикинуться хотя бы идейкой, а не идеей, но это же идейка, а любая идейка заслуживает только осуждения и насмешки. Лирический герой Лесина — самый неугодный человек для государства.

Ты стишков моих не бойся,
А тем более — стихов.
Успокойся и заройся
В одеяло теплых слов.

Если я в своей квартире
Пошучу и пошалою,
То в творениях на лире
Извинюсь и похваляю.

Ни одной прекрасной деве
Я руки не откусил.
Я ужасен только в гневе,
А во сне — довольно мил.

Поэт, прозаик, искусствовед. Родился в 1935 году в Москве. Учился в Московском инженерно-строительном институте имени Куйбышева. Кандидат технических наук. Автор многих книг и публикаций. Член Союза писателей России и Союза писателей XXI века. Живет в Москве.

КУЛЬТУРА

НА КОНЦЕРТАХ ТРИО ПИАНИСТОВ BEL SUONO

В прошлом году мне посчастливилось побывать на трех концертах Трио: в Кремлевском дворце; праздничном, по случаю 14 годовщины создания ансамбля; на концерте авторских произведений участников Трио в Театре эстрады и на гастрольном концерте в Театре 3 Рим, в Пушкино, под Москвой. И стало кристально ясно: огромный успех Трио у публики не только является заслуженным результатом работы создателя и художественного руководителя Лейлы Фаттаховой и нынешних солистов: Кирилла Гущина, Антона Мосенкова и Никиты Хабина (все трое выпускники Московской Консерватории), и коллектива музыкантов и вспомогательного персонала, — это явление для мира любителей музыки, это дивное объединение трех исполнителей-виртуозов, обладающих и большими композиторскими дарованиями. Поражает идеально согласованная работа музыкантов такого уровня, каждый из которых имел бы полное право быть солистом в концерте любого, даже самого известного, оркестра и выступать самостоятельно со своей программой. Но соединение трех талантов породило и высочайшее качество исполнения каждого музыкального произведения, и восторженную реакцию публики. А играют они музыку как великих классиков прошлого, так и лучшие образцы современной музыки: симфонической, легкой, джаза, рока — исполняют свои переложения для трех роялей в сопровождении оркестра или струнного квартета и группы рок-музыкантов, или, в гастрольном варианте, без такого сопровождения. Подкупает манера ведения концертов: вместо привычного жесткого деления, по границам сцены, на исполнителей и слушателей, зрители с самого начала попадают в атмосферу общего зала, где три симпатичных молодых человека беседует с нами и блистательно играют для нас, своих друзей, великолепную музыку. Ни размеры зала, ни предназначение концерта не влияют на вдохновение участников Трио и уровень исполнения. Слушатели отвечают им полной взаимностью, бурными аплодисментами, встречая каждый номер программы и завершая вечер овацией. Иначе и быть не может, ведь в заключение

всегда исполняются переложения концертов Антонио Вивальди «Времена года», исполняются с таким совершенством и блеском, что публика невольно встает — ведь это явление той самой Великой Музыки! Она не только заполняет сознание, но и пробивается в подсознание каждого, мало-мальски творческого человека, освобождает скрытые эмоции, и тогда возникает, невольно, вопрос: «А ты можешь создать что-то подобное в своей области знания, труда, творчества?» Для таких слушателей встреча с идеальным совершенством становится и большим испытанием.

Отдельного и длительного внимания заслуживают собственные произведения трех солистов Трио. Серьезный, сдержанный Кирилл Гущин открывает слушателям мир самых глубоких и масштабных переживаний в таких творениях, как «Пробуждение Вселенной» и «Падающая звезда» или в чистейшей лирике «Письма любимой» и «Меланхолии». Это пример соединения впечатлений от великого внешнего Мира и жизни души человеческой. Очаровывают слушателей и создания Антона Мосенкова, назову, для примера, «Бессонницу», «Там, где нас нет», «Декаданс» — они так похожи на милую и слегка застенчивую улыбку их автора, которая словно бы намекает: не все еще сказано!

Никита Хабин, и взволнованный, и вдумчивый — и такая искренность, глубина и страстность его произведений: «Лес», «Вальс для нее», «Первый танец»! «Лес» полон весенней свежести, а «Первый танец», поскольку он единственный для свадебной пары, стал и «Последним».

Когда в концертный зал входит музыка Bel Suono, то она становится не просто дополнительной и ощущаемой реальностью, но и реальностью одухотворенной, эмоционально насыщенной и прекрасной.

Многое из того, что прозвучало на концертах, я не назвал, но не по забывчивости или из-за недовольства — нет, все на этих концертах совершенно, но зачем тратить слова, когда музыка передает и тончайшие чувства, и переживания, и сверхнапряженное состояние души — все то, что невозможно передать расхожими словами, и над чем постоянно бьется Поэзия. Каждый концерт становится праздником для публики и для самой Музыки — наконец-то Она могла предстать во всей своей красоте и величии.

К такой музыке мы будем обращаться вновь и вновь, еще и потому, что она принадлежит не только нынешним дням, но и Платиновому веку для русской культуры и искусства, который приближается к нам из будущего. Этот век ныне создается трудами государственных и деловых людей, людей труда, науки, инженерии и, конечно, искусства; именно так прежде были созданы Золотой и Серебряный века. Я числю Bel Suono среди строителей нашего общего будущего, а созданное им уже настолько значительно, что дальше можно ожидать появления большого, монументального творения, например, цикла связанных единым замыслом произведений, симфонической поэмы или концерта для трех фортепиано и симфонического оркестра.

Спасибо вам, виртуозы Bel Suono! У вас впереди еще большие свершения и успехи, но в сердцах слушателей вы уже и заслуженные, и народные. Особая благодарность Лейле Фаттаховой: ее замысел и каждодневная работа по его осуществлению и развитию дают чудесные результаты.

А мы, в полной мере вкусившие музыку Bel Suono, снова придем на будущие концерты Трио — подобно тому как идут к исповедникам и врачам — для того чтобы избавиться от повседневного, наносного, от болей и тревог: очистить и возвысить свои души.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ПАРОДИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ

*«Чем дольше живет человек,
Тем больше скелетов в шкафу».*

Борис Орлов

Поэзия — это стихия.
Пишу непрерывно стихи.
Чем дольше слагаю стихи я,
Тем больше плету чепухи.

Строчу и строчу каждый день я,
Не шибко шлифуя строфу.
...А, может быть, стихотворенья
Хранить, как скелеты в шкафу?

2025

ТОМНОЙ СТРАСТЬЮ ТОМИМ

*«По Неглинной, Нетленной,
Проходила душа,
Настей, Катей и Леной
Надышаться спеша».*

Сергей Волков

Настя, Катя и Лена...
Томной страстью томим,
Я пишу вдохновенно
Посвящения им.

Восхитительна Настя —
И умна, и нежна.
Пусть хоть капельку счастья
Мне подарит она!

Много страсти у Кати,
Взгляд манящ и хитер.
Только очень некстати,
Что муж Кати — боксер.

Очень женственна Лена
И красива весьма.
Оттого постепенно
И схожу я с ума...

Я вздыхаю устало,
В море страсти тону.
Женщин в мире немало —
Трудно выбрать одну.

2025

**Святослав Михня «У солнца на виду»
М.: «Вест-Консалтинг», 2026**

«Для чистых все чисто...» — начало этой фразы из послания апостола Павла к Титу (Тит. 1: 15) невольно вспоминается, когда читаешь этот сборник стихотворений. Действительно, есть люди, у которых все плохо, мир несправедлив, и вообще — у соседа в саду трава зеленее. Отчего же это? Конечно, не оттого что у кого-то идеально подстрижен газон...

Поэт Святослав Михня старается видеть хорошее во всех жизненных событиях. Его стихи «распахнуты» читателю настежь — смотри, я ничего не скрываю. Почему? Да нет там ничего криминального. Книга называется «У солнца на виду», а значит, содержание ее таково, что не стыдно выставить под солнечные лучи. И речь не о том, чтобы «просушить» текст, как мы это делаем в жаркие летние дни с подушками и одеялами. Тут все гораздо тоньше: поэт отвечает за каждое сказанное слово, примирившись с устройством мира. И не прячется от света. Он знает: честность и прямота — важная составляющая цельности личности, поскольку без способности менять окружающую действительность, сообразуясь с собственной совестью, человек не сможет полностью реализовать свой потенциал.

...У каждого из нас есть неповторимая мелодия жизни — индивидуальный маршрут, еще далекий от финала. Окружающий мир служит своеобразным стимулом для понимания этого глубинного зова, акцентируя необходимость бережного отношения к своим переживаниям, несмотря на неумолимое течение времени:

Когда деревья поют натужно,
скрипят, как весла в руках у ветра,
внезапно знаешь, что в жизни нужно,
что твоя песня еще не спета.
Сдается, знаешь: одно — немолчный
язык природы и человеческий.
Все будет прахом — исход неточный,
когда ты речью увековечен.
И письма на коре и листьях
так безупречны, без опечатки —
набросок зрячий предвечной кисти,
навек оттиснутый на сетчатке.

Мы видим личность, прошедшую через множество трудностей и размышлений, измотанную ударами судьбы, но, вопреки всему, не утратившую душевную ясность, согретую теплом к окружающим и родной земле. Звучат чисто христианские эпитеты (в словаре сопровождаемые пометками «книжн.» и «церк.») — «немолчный», «предвечный», и это намеренный, осознанный художественный ход, преследующий конкретную цель: оказать влияние на воспринимающего посредством возвышенной, стилистически выделяющейся лексики, скорректировать его внутреннее

состояние, направить его мысли к духовному миру, сформировать ощущение торжественности, сакральности.

Человек способен оставить след в этом мире, невзирая на бренность бытия. Достаточно просто не быть слепым и глухим. Метафоры — «песня еще не спета», «прахом — исход неточный» — дополняют философский смысл и глубину восприятия жизни. Здесь мы видим, насколько развито у автора чувство меры: мы-таки превращаемся в прах после завершения земной жизни, но только ли это оставим после себя?..

К стилистическому приему можно отнести также использование архаизма «письмена» — это устаревшее существительное уводит нас вглубь веков, в старую Русь с ее берестяными грамотами и древнеславянским языком. Затем упоминание сетчатки глаза выносит нас обратно — в двадцать первый век. И точка. Что впереди — поэт не загадывает, но, объединяя в коротком поэтическом тексте столь разные эпохи, он надеется, что русская поэтическая речь никогда не погибнет...

Итоги жизни тоже подводятся светло и энергично, несмотря на то что к собственному будущему лирический герой Святослава Михни относится с недоверием:

Мир то высмеян мной, то стократ он оплакан,
но все так же непонят и юн.
Поле светится вновь созревающим злаком,
и на море родится бурун.
А в грядущем уже ничего не случится,
и побыть интересней в былом,
где взлетает — недавно подбитая — птица,
вешним лесом шумит бурелом.

Это стихотворение — плод глубоких размышлений о существовании человека; сопоставляя прошлое с будущим, автор позволяет светлой грусти прорваться в строку. Но не разочарован, что свойственно многим! Он все так же жаждет до жизни, и это редкое качество уравнивает философскую направленность текста. Мир не стал понятнее, но может ли человек понять его до конца?.. Пока это удавалось только Тому, кто создал нас по образу и подобию Своему... Поэт переосмысляет собственное место в мироздании и свою связь с окружающей средой, в то же время демонстрируя хрупкость человеческого разума. Основная идея произведения не требует пояснений: вне зависимости от эпохи и условий стоит отыскивать прекрасное и ценность в каждом моменте, даже если он сопряжен со страданием и потерями. Жить в согласии с природой и осознавать свою скромную, но важную роль в ее безграничности, — вот главное предназначение «венца творения»...

...Перед нами — лирическое произведение, в котором поэт предается раздумьям о непостоянстве времени и трансформациях, происходящих в жизни, будь то в мире природы или в сфере чувств. Все зыбко. Все скоротечно. На что же можно опереться?.. Как тут не вспомнить крылатое изречение — «Надежда умирает последней»:

Переливается палитра
осенних ветреных небес.
И птичий клин среди туч, как титры:
мелькнул, исчез.

Так в речке времени, как прежде,
ныряет он из тени в свет —
дразнящий поплавок надежды:
то есть, то нет.

Рифма варьируется, но в целом формирует гармоничное восприятие: каждая строчка плавно переходит в следующую. Образ осеннего неба и улетающих птиц символизирует ускользающую красоту мгновений, напоминающих о их недолговечности. Использование метафоры «поплавок надежды» намекает на то, что даже в постоянно меняющемся мире всегда присутствует шанс на светлое будущее. И предостерегает: цепочка ассоциаций «поплавок» — «рыбалка» — «крючок» невольно разворачивается в голове читателя. Осознание призрачности надежд порождает горечь и чувство крушения. Именно поэтому многие «убивают надежду первой», а некоторые и вовсе отказываются от позитивных ожиданий. И не стоит путать надежду с иллюзией. Надежда — это желание, в осуществление которого мы верим. А вот иллюзия — это обман психики, выдача желаемого за действительное. Эти два состояния очень похожи, их легко спутать, а потому «рыбацкая» метафора Святослава Михни очень точно отражает опасность, в которую рискует попасть человек, находящийся в плену иллюзий.

Это не единственное стихотворение автора о рыбах. Есть и более страшное, в котором речь идет о пойманной щуке, но метафору каждый из нас способен «докрутить» самостоятельно и примерить на членов человеческого социума:

Вот молчишь ты, как рыба.
Взгляд, вчера еще хищный,
стал бессмысленно-жалким.
Что с тобой приключилось
на обычной рыбалке?..

Человек смертен, но это полбеды. Хуже всего то, что никогда не знаешь, когда... А настоящая сила — это умение сочетать веру в лучшее с принятием реальности. И щуку, между прочим, жалко. Поэт ей сострадает, в то время как среднестатистический обыватель не стал бы слагать о ней стихи: выпотрошил — и на сковородку. Или на уху. А после таких слов и есть как-то не очень хочется...

В этой книге собраны стихотворения разных лет, и мы наблюдаем, как под влиянием времени менялось мировоззрение поэта, и что в нем, напротив, оставалось неизменным. Преображение картины мира обуславливает привлекательность эволюции автора для исследований и глубокого разбора. Но что же в итоге? Вывод очевиден: главное-то он и не растерял, а, напротив, преумножил.

Искренность человеческих чувств всегда находит отклик в душе каждого. В стихах Святослава Михни пульсирует именно такое, открытое и честное сердце. Равнодушие и безразличие ему совершенно несвойственны; напротив, оно полно сочувствия и великодушия, согрето привязанностью к родному краю и окружающим. В нем неугасима вера в лучшее. А ведь именно благодаря таким сердцам и существует поэзия.

Ольга ЕФИМОВА

**Алексей Юрьев, «После всего, или Двойной Сонет сонетов, с прологом и эпилогом»
М.: Издательство Евгения Степанова, Издательство «Клуб печати», 2026**

Необычная книга. По сути, отзыв, отклик, книга-впечатление. Столь сильное, что автор, избрав не самый простой в исполнении жанр поэзии, словно на одном дыхании выразил свои эмоции от прослушивания музыки. Однако написанием дело не ограничилось: Алексей Юрьев стремится донести свое восприятие до незнакомых ему людей, что не только прославляет послуживший ему вдохновением музыкальный коллектив, но и привлекает внимание читателей к сонетной форме. В наше-то время — и таким жанром говорить, и целую книгу издать... Это своего рода подвиг. И манифест: к звукам музыки стоит относиться серьезно, так, как это делает автор. Другое дело, что не все то музыка, что звучит...

Прослушивая музыку, человек способен приводить в порядок в свое внутреннее состояние, структурируя его и внося ясность в переживания и чувства. Музыка стимулирует появление эмоций, переживаний, помогает проживать чувства, которые закрыты, болезненны и отторгаемы. Недаром говорят: без музыки — тоска... Мне кажется, эта книга — лучшая реклама для исполнителей: кто из читателей, прочитав столь искренние строки, не захочет, хотя бы из любопытства, поискать в интернете — что же это за музыканты такие, что им и их художественному руководителю аж целый сборник посвятили? Те же, кто способны за деревьями увидеть лес, с первых строк понимают, что за человек наш автор. Во-первых, поэт именно по состоянию души, которое и организует поэтическую форму: сонеты ведь пишутся о любви... Во-вторых, он умен, и в-третьих, деликатен. Обычно же как? Поклонникам нужно непременно донести свою любовь до исполнителей, и бывает, даже почитатели классической музыки караулят своих кумиров у подъездов... Здесь же автор в предисловии выражается предельно ясно: «Конечно, я предпочел бы высказать свою благодарность и рассказать о впечатлениях от концертов лично каждому участнику Трио, но жизнь музыкантов, гастролирующих по городам и странам, оставляет мало времени для стороннего, даже дружеского общения — приходится многое доверять перу и бумаге».

Алексей Юрьев воспеваает фортепианное трио *Bel Suono*, и его искренние слова не могут не вызывать как минимум чувство глубокого уважения: а способен ли я на глубокое чувство, и, если да, хватит ли у меня сил и терпения, чтобы придать ему соответствующую форму? А у автора хватает (причем это не первая книга, передающая волнение от встречи с искусством)!

В нем просыпается Шекспир — и отзывается услышанному:

Услышал Музыку — была
Как зов из дали моря,
И ею сотворенная волна
Несла и радости, и горе.
Но так звучал и божества
Вскрик в первый миг свободы,
Когда средь пены розовой Она
Своею красотой смирила воды.

Современный сонет — поэтическая форма, которая сохраняет классические элементы, но одновременно допускает изменения в структуре, теме и стилистике. Перед нами ткань стихотворения, традиционно состоящая из двух частей: октета (8 строк) и секстета (6 строк). Однако в данном произведении форма немного упрощена и адаптирована под современные

тенденции поэзии. Автор создает свободный ритм и рифму, не теряя при этом ключевые элементы жанра — эмоциональность, образность и философичность. Обратите внимание на третью строфу, которая переносит наше внимание на мифологическую фигуру богини — символ свободы и красоты («Она своею красотой смирила воды»). Здесь музыка становится голосом самой природы, рожденным свободой Творца («божества вскрик»). Речь идет о том, что творчество уподобляет нас Тому, Кто создал нас, и это — его главный, если не единственный смысл. Так высоко уводит нас мотив трансформации и преодоления границ («смирила воды», «свобода»), что отражает стремление художника выйти за пределы обыденного опыта и достичь высших форм самовыражения.

Это стремление проходит сквозь книгу — до последнего слова Алексей Юрьев держит высокую планку: поэтический восторг перед торжеством звука сплошь восклицателен и порывист. Импульс не утихает, напротив, подпитывается надеждой снова услышать любимых артистов:

Я снова буду покорен,
Я снова буду восхищен!
Уносит Музыки поток —
Тону, но жив пока что в нем,
И снова молод — счастлив тот,
Кто это испытал, открыт для Мира,
Он снял всю копоть дней, их вздор,
И Музыкою был заморожен,
Наперекор тому, что скажет приговор
Седого Рока или треснувшая лира.

Все по классике, как и положено хорошему сонету: в первых строках — очарование искусством, затем — потеря (и новое обретение) себя. Возрождение и обновление. Чтобы что-то обновить, нужно что-то разрушить, и процесс прослушивания музыки отражает психические процессы как нельзя лучше: восприятие искусства позволяет человеку освободиться от груза повседневной рутины и увидеть мир иначе, очистив сознание от негатива и суеты.

Здесь мы видим метафору погружения в музыкальное пространство, которое захватывает и поглощает поэта целиком. Несмотря на то, что это кажется опасным («тону»), оно приносит ему жизнь и возрождение. Поэту возвращается юная энергия и свежесть взгляда на мир благодаря искусству. Что это, если не чудо?.. Дальше — только полет, только торжество жизни: последние строки подчеркивают абсолютную преданность музыке и пренебрежение любыми внешними обстоятельствами, даже такими неизбежными вещами, как судьба («седой Рок») или угасание творческого потенциала («треснувшая лира»). Художник, несмотря на преграды и испытания, неизменно идет своим путем, стремясь творить красоту.

Современный сонет исследует сложную взаимосвязь между искусством, эмоциями и духовностью. Через музыкальные образы и мифологические аллюзии Алексей Юрьев передает основную идею: творчество — мощный инструмент познания мира и собственного внутреннего состояния. Автор приглашает читателей разделить этот опыт и испытать собственные переживания, открываясь миру через призму творчества. Собственно, и книга вся об этом: о человеке, о творчестве и о том, как сложен и прекрасен этот мир...

И да, послушайте *Bel Suono*. Восхитительно звучат.

Ольга ЕФИМОВА

**Алексей Прохоров, «Монологи чувств и вещей»
М.: Издательский Дом «Зебра Е», 2025**

Концептуальным и системообразующим основанием новой, небольшой по объему строчному, но чрезвычайно насыщенной объемом смысловым, книги московского поэта Алексея Прохорова является ее ярко выраженная экспериментальность. Эксперимент этот касается, в первую очередь, сферы лирического субъекта. В качестве лирического «я», представляя весьма любопытный извод «ролевой лирики», в книге, как и обещает заглавие, выступают «чувства и вещи»: граммофон, судьба, миг, страх, грусть, пыль, перелом, ключ, кольцо, голос и др. — вплоть до загадочно-экзотических «гарбологии», «сапротрофов», «фукинагаси» и «рудеральных видов».

В развернутой вступительной статье «Солнце в водопаде слез» поэт и литературный критик Александр Карпенко выделяет ряд значимых параметров лирики Прохорова: сочетание в ней реалистического и сюрреалистического, «партитурное» построение ряда стихотворений, расширение лексического и тематического диапазона, сквозную мысль о принципиальной «незавершенности» человека и преображающем потенциале творчества, «остраненность» поэтического зрения, просторность «смыслового горизонта», тонкость психоэмоциональной нюансировки, сочетание символизма, модернизма и «футуризма» с его «самовитым словом» etc.

Отдельное внимание стоит уделить синестезийности этой поэзии. В стихах Прохорова слово органично сливается и разливается, сходится и расходится с цветом и звуком, а поэзия полноценно реализует себя в контексте живописи (особо важен для поэта писавший стихи художник-авангардист Василий Кандинский), музыки (здесь главная фигура — Бах), скульптурной пластики, архитектурной выверенности пропорций, театральной эффектности, динамизма киномонтажа. «Монологи чувств и вещей» написаны в полном согласии со словами Велимира Хлебникова о том, что смысл в стихах дробится, подобно изломам света в гранях кристалла, и число этих преломлений потенциально бесконечно.

Точно и точно выбрана автором и монологическая жанровая форма (помимо «монологов» и «монологий» в книге есть также «ария» и несколько «хоров», напоминающих о словах Бродского — «в настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор») — по-особому плотная, несколько театральная (не случайно на подступах к своему новому «методу» Прохоров создал весьма оригинальный перевод двадцать четвертого сонета Шекспира, о котором мне случалось писать^{*}), центростремительная, целеустремленная, подразумевающая полнометражное, «исчерпывающее», энергичное, эмоционально заряженное высказывание. Таким образом, мы можем говорить о «эмоциях чувств», «эмоциях эмоций», и это «умножение» дает интересный, парадоксальный и непредсказуемый художественный эффект.

Представленные в книге «чувства и вещи» проявляют свою «субъектность» индивидуально, по-своему, к каждому голосу поэт находит свои обертоны, свой «ключ». Так, «граммофонный сон» отелеснивает память об ушедшем друге, по-прустовски («*таскаюсь вслед за ностальгией*») сохраняемую «Чаконной» Баха. На эту субъектную уникальность работает целый веер модернистских приемов Прохорова: языковая игра («*слава Баху*»); повышенное внимание к звуковой фактуре стиха; наращивание звука, идущее параллельно с наращиванием и «надстраиванием» смысла («*алый фрак инфаркта*», «*скверный сквер*», «*пикник*

^{*} Константин Комаров. Смотреть и видеть. // Литературная газета. № 39, 2024 — <https://lgz.ru/article/smotret-i-videt/>

из книг», «в музыку из разлуки», «стена, выращенная стаей»); оригинальность эпитета («ледокаиновый январь»); освежающий («речь смывает пыль») мысль «укол сознания прививкой парадокса»; оксюмороны («смысл бессмысленного бега», «немыслимые мысли о чуде»); философская «многосуставность» образа («центр музыки»); нюансирующие «оговорки» («себя точнее жизнь свою прервавший»); языковая рефлексия («слова в своей основе тропы»); значительно корректирующие семантику фонетические «микросдвиги» («ветряные дни»); неологизмы («писательцы»); принципиальный отказ от знаков препинания и заглавных букв, знаменующий «поточковый» динамизм отражающе-преображающего сознания поэта.

Многообразно-экзотичен лексический состав стихотворений: «рудеральные виды», «гарбология» (сразу вспоминается «Мусорный ветер» Андрея Платонова и соответствующая песня группы «Крематорий»), «блочейн», «регтайм», «фукинагаси», «перикард», «кудель», «зазноба», «палимпсест» etc. Лексическая разноплановость расцветивает стихи и отражает центрируемую единством экспериментального метода пестроту прохоровского поэтического мира. Обилие терминологической лексики заставляет вспомнить о самобытной лирике Михаила Ерёмина. Прозе Платонова наследует нарочитая «корявость» стиля («группа из студентов»), грамматические и синтаксические рассогласования, материализующие восприятие поэтического слова, создающие продуктивные для его мыслечувственной рецепции «спотыкания» («как долго эти мысли / ждут часа в наших существах», «ты терпеливо ношей длишь / спокойствие свое»). В этом смысле Прохоров верен завету знаменитого «звучаря» и «заумника» Алексея Кручёных (чем лишний раз подчеркивает свою футуристическую «генетику»): «Чтобы писалось туго и читалось туго». Почти в каждой строке подчеркнуто ощутима интенция творящего усилия.

Под стать многообразию модернистского и авангардного инструментария поэта и плотность интертекста. То прозвучит обэриутская нота в духе Николая Олейникова («мне жалко рыб мне жалко птичек / людей мышей коров ехидн»); то аукнутся Есенин («кто я что я только лишь мечтатель»); Ахматова («растет звучит не ведая стыда»); Пастернак (стихийность музыкального полета в «монологе рояля» сразу приводит на память его «я клавишей стаю кормил с руки»); Мандельштам («голос поэта поможет ему / не оставаться совсем одному» напоминает о мандельштамовском «мы только с голоса пойдем, / что там царапалось, боролось»); Бродский (в частности, его «Стихи под эпитафией»: «В каждой музыке Бах, / в каждом из нас Бог» и в целом его философия стоицизма, частного бытия «частного человека»); Высоцкий («отмывает души дочиста»); Николай Некрасов («научиться жить обязан»), Баратынский («целительный сонет» напрямую апеллирует к его знаменитому «болящий дух врачует песнопенье») и даже Рильке, в лирике которого тоже хватает «монологов вещей» (например, лютни). Порой вдруг зазвучит тяжеловесная нота «неуклюжего» классицистического дидактизма («я вам нужна чтоб поняли вы где опасность телу»). При этом чем менее очевидна та или иная аллюзия, тем сильнее читательская «радость узнавания»: так, в загадочном «хранителе книг» мерцает Хорхе Луис Борхес, а в просодии стихотворения «рай чувств» внезапно обнаруживается ритмика маршаковского «Рассказа о неизвестном герое». Напрямую упомянуты «Вишневый сад» Чехова, набоковский «Дар», «наш гений салтыков-щедрин» и др. Играет поэт и разнообразными стилями: в диапазоне от барочной изысканности («серебряные нити век», намекающие, кстати, и на Серебряный век русской поэзии) до сюрреализма и метареализма («скарабей танцующий на коже», «ветер станцевавший вальс бостон зарос купавой»).

В 1906-м году Александр Блок записал в дневнике: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них

существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста. В самом темном стихотворении не блещут эти отдельные слова, оно питается не ими, а темной музыкой пропитано и пресыщено». В стихах Алексея Прохорова, несмотря на всю их «темноту», такие «слова-острия» тоже светятся. В первую очередь, это собственно многомерно рифмующийся с «цветом» и «следом» «свет» (как тут не вспомнить блоковское же о поэте: «Он весь — дитя добра и света, / Он весь — свободы торжество»): *«только свет только цвет / оставляет свой след»*. Свет предстает в самых разных видах и проекциях: *«свет любви гудящий на иконах»*, *«в этом свете можно все»*, *«я ваш дневник свидетель света»* и мн. др. Среди других слов-ключей можно выделить «рай» («одинокий», «неодинокий», «рай чувств», «рай детства детство рая» etc.), «путь» («и новый путь для новых чувств и дел»), «любовь» («его любовь зажглась огнем на маяке»), «огонь» («огонь с икон», «пока не вспыхнет что-то между строк»), «маяк» («путь к маяку необычайно светел»). С помощью этих повторяющихся в разных стихах слов-концептов между стихотворениями формируется особая связь, схожая с мицеллярной, осуществляющая единство поэтической «грибницы» смыслов и образов.

В «монологих» можно выделить не только «слова-острия», но и «мысли-острия» («мысль треугольна» — уверен поэт), метафизическими «сквозняками» «продувающие» книгу. Это мысль о непрекращающемся одухотворении мертвого живым (немного в духе двух Николаев — Фёдорова и Заболоцкого): *«над пустыней пустынь хлорофилловый дух»*. Это и комплекс гуманистически-возрожденческих философем — «накопленная жалость к пожизненному тупику», «свободы торжество» — при всем трезвом понимании энтропийности социального существования («сколь многого не слышат люди / как мало слышит человек», «человек умеет множить раковины дней», «в застывшем времени наш вечный палимпсест», «ноуменальный мир всегда другой мир ложь», «непаханое поле заросло»), всегда чреватого горящим столкновением с «печальными и знакомыми истинами». Очень важен и сквозной сюжет самоосуществления, обретения человеческого и художнического самостоянья, житнетворной демиургичности («ноты спешат к композиторам в гости», «пианиста нет без клавиш») в напряженной изменчивости, психоэмотивном проживании разных ролей («у чувств уникальный маршрут»), смене «масок» (о которой Фридрих Ницше в свое время писал в дневнике: «Я меняю маски, чтобы не быть распятым»).

Философийна и сама оптика поэта, настроенная на фиксирование того, как «проблески реальности растут» — оптика, по существу своему, феноменологическая. Так, в «монологе судьбы» передан взгляд судьбы на судьбу, в «монологе мига» — взгляд мига на себя самого, вечность и время вообще. Поэтическая феноменология здесь выступает не просто как олицетворение (и одухотворение) предмета или категории, но как инструмент художественного (само)познания внутренней сущности «вещи в себе» в ядре ее бытийной самости. «Личное» время субъекта здесь наблюдает себя, как в зеркале, во времени «другого», выражая сложную объемность времени как такового. Подобно тому, как Мартин Хайдеггер стремился философски постигнуть, например, «стольность» стола, Прохоров пытается уловить «мигность» мига, «судьбность» судьбы, «пыльность» пыли и даже «швабрность» швабры. Этот экзистенциально-феноменологический подтекст придает лирическим «монологам» серьезное измерение мысли, обогащенное и звучащими в ряде стихотворений нотками дзен-буддизма («как тихая вода в реке / не споришь и течешь»).

В своих «монологих» Алексей Прохоров оригинально «препарирует» психосоматические нюансы каждой эмоции: такова, например, «нешуточная одержимость» гнева или «свет из рая» элегической грусти, которую не следует путать с мрачной тоской. В «монологе боли» свобода сама становится свободной от преград, обнажая характерный для стиля

поэта в целом прием «тавтологического» умножения смысла («звук потерянного звука»). А метафорой страха становится «океан пропавших слов»: страх, действительно, часто парализует речь. Аттестация же страхом себя как «вечной антилюбви» содержит в свернутом виде любопытную мысль о том, что противоположностью любви оказывается не ненависть, а именно страх. Подобным образом «развинчиваются» и многие другие сложноустроенные образы (тавтология в данном случае сознательная, ибо для понимания прохоровских образов образное мышление просто необходимо): «верующий вставший на колени / соединяет веру и себя», «как невозможно отделить побег от бегства / так невозможно разделить себя внутри», «стеной рождается и прекращается кирпич» (рефлексия о схождении концов и начал в единой точке). Так «монологи» будят в читателе живую творческую мысль, «*уединенный романтизм познаний*».

В «монологгах» в избытке присутствуют все «три Э», на которых, согласно концепции поэта и филолога Юрия Казарина, как на трех китах, «держится» поэзия и отдельное стихотворение — энигматичность (многие прохоровские образы и метафоры привлекают своей загадочностью, зашифрованностью: «*вчерашний путник сегодня вспыхнул как преступник*», «*эллипсы большой галеры*», «*звездный гончар*» и мн. др.), эвристичность и эксперимент. Эти стихи рассказывают нам «историю любви к экспериментам», не переставая при этом быть «самоотчетом веры».

Книга Алексея Прохорова, демонстрируя, как причудливое столкновение слов высекает искры обновленного понимания, передает горячую убежденность поэта в том, что «*лишь любовь достойна веры*»; что внимания заслуживает любая «*милость певчая и малость*» (тут сразу приходит на память Маяковский: «мельчайшая пылинка живого / ценнее всего, что я сделаю и сделал!»); что всегда «*предметна жалость*»; что личность определяет «непреломляемая часть души», которую надо лишь рассмотреть во «*внутренней дали*» человека; что творчество определяется «*светом любви и наблюдения*», «*светом навстречу встрече неслучайной*», ибо «*мы все ручки большого творчества*», а поэзия есть «*прыжки в неведанное*» (родные «братья» маяковской же «езды в незнаемое»). Эти благородные лирические послылы взыскуют читательской со-бытийности. Остается пожелать этой наполненной «*хором смыслов*» и подразумевающей довольно высокий «порог вхождения» книге гулко-рецептивного «эха».

Константин КОМАРОВ

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 26.02.2026
Подписано в печать 06.03.2026